Жестянка

Автор:
Вадим Денисов

Жестянка

Вадим Владимирович Денисов

Жестянка #1

Странная планета по имени Жестянка – то ли отстойник, то ли инкубатор. Непонятные "баррели", спускающиеся с небес на огромных парашютах. А внутри железных корпусов в ложементах сидят пассажиры, частично потерявшие память. Никто из них не может сказать, зачем они здесь, за что и почему. И далеко не все остаются в живых после спуска по баллистической траектории. Группа специальных людей гарнизона "Пятисотка", профессионально спасающая редких счастливчиков… Таков это мир. Мир степей и старого железа, где все ждут Гонца и Инструкции, в надежде, что наконец-то общинам укажут цель и путь.

Вадим Денисов

Жестянка

Жесть – холоднокатаная отожжённая листовая сталь толщиной 0,10—0,36 мм с нанесёнными защитными покрытиями из олова или специальными покрытиями, например, лаком, цинком, хромом и другими.

Выпускается в листах размерами 512?1000 и 712?1200 мм или в рулонах шириной до 1 м массой до 15 тонн.

Наибольшее распространение в мире имеет жесть, покрытая слоем олова (белая, или лужёная, жесть). По способу нанесения защитного слоя она подразделяется на горячелужёную жесть (со слоем оловянного покрытия толщиной 1,6–2,5 мкм) и жесть, лужёную методом электролитического осаждения (со слоем олова толщиной 0,34-1,56 мкм).

Жесть без защитного покрытия из олова называется нелужёной, или чёрной.

Жесть! – выражение из молодёжного жаргона начала XXI века, выражающее сильную оценочную эмоцию (положительную или отрицательную в зависимости от контекста) по отношению к предмету высказывания.

Баррель (англ. barrel – бочка) – мера объёма сыпучих веществ и жидкостей, равная «бочке». Используется для измерения объёма в экономических расчётах, в биржевой и оптовой торговле.

Для наиболее часто употребляемого в мире понятия барреля (а именно, для нефти) имеется особая мера – американский нефтяной баррель – единица измерения объёма нефти, равная 42 галлонам или 158,988 литрам. Международное обозначение: bbls. На мировом рынке нефти (в отличие от внутрироссийского, где нефть продаётся тоннами) баррель используется в качестве основной единицы измерения, и цена на основные мировые марки нефти устанавливается в долларах за баррель.

Глава 1

Баррели, живые и мёртвые

Сам не могу понять, почему я до сих пор не выдрал эту хрень с корнями.

Обычный вентиляционный короб. Старый жестяной уродец – не единожды мятый толчками и пинками отвод, приточка или вытяжка. Чёрт его знает, что в этих тесных и запутанных помещениях, набитых до потолка всякой бесполезной

рухлядью, располагалось когда-то: маленькая гарнизонная столовка, аккумуляторная или секретная лаборатория по тестированию содержимого химических боеголовок ракет и снарядов. Сборная жестяная конструкция, стандартные модули которой навечно стянуты по контуру проржавевшими болтами.

Единственная очевидная польза от этой старой жестянки – кусок старой полированной доски поверху, с прошлой недели это у меня что-то вроде журнального столика и прикроватной тумбочки одновременно. Мебелью обзавожусь, ёлки-палки… Можно недочитанную книжку положить, поставить на ночь пластиковую бутылку с тёплой водой. В нашей местности, да с моим перебитым носом гортань постоянно сохнет, Когда-то этот короб раз за разом красили паскудным синим цветом, сейчас краска пооблетела, осталась сплошная ржавчина.

И острые углы.

Кирпичная вышка-башня со смотровой площадкой на крыше и помещением, в котором я живу, очень узкая, и поэтому в верхней комнатушке практически нет свободного места. Теснота страшная, спускаемая капсула орбитального корабля какая-то, а не жильё. Пригодно только для космонавтов. Впрочем, все мы космонавты отчасти. Зато своё, один живу. А тут ещё и лестница, да не простая, а винтовая… На смотровую площадку ведёт ещё одна лестница, внешняя, металлическая. На неё можно выбраться и из моего окна, вот только это занятие для гимнастов-экстремалов. Вояки, наверняка, гоняли по ней малоценных духов-новобранцев, а учёные – молодых лаборантов, снимающих показания с приборов.

За последний месяц я уже три раза разбивал правое колено о проклятый жестяной короб, каждый раз громко матерясь и давая страшные клятвы. Знаете, как оно бывает – на пустом месте возникает нелепая вредная привычка, обидно неловкое, неправильное движение, которое не получается выпилить из алгоритма. Вот и рублюсь.

Сегодня вмазался особенно счастливо.

– Рота, подъём! – проорала Ирка Кретова, не успев войти в комнату. Бодрая такая, зараза.

Я, естественно, рванул с тощего матраса, и почти сразу удар, искры из глаз. На этот раз приложился знатно, колено разбил в кровь.

Взвыл, конечно.

– Ну ты, Денис, и придурок! – посочувствовала напарница в своей обычной манере… Согласен, несколько специфическое сочувствие, но оно в полной мере соответствует характеру Ирки. – Господи, когда это железо уберёшь?!

– Не ори, а? – прошипел-попросил я.

– Буду! Дай посмотрю! Колено вытяни, сказала! – потребовала она, подскакивая ближе. – И не скули, не мальчик маленький… Бляха, да у тебя кровь пошла! Сиди тут, сейчас аптечку принесу.

И привычно скользнула по лестнице вниз.

Вот нахрена так людей будить, скажите? По утрам, а также днём и вечером, Ирина всегда резка, порой до бессердечности, нарочито деловита, всем своим видом демонстрируя непреклонность и неприступность. А вот какая она бывает в своей келье тихими ночами, не знаю. Хочется, конечно, думать, что в её девичьей светлице, расположенной здесь же, в башне, но этажом ниже, гораздо более просторной и обихоженной комнатке, нежели мой скворечник, на тумбочку перед сном ставится фотокарточка боевого товарища и напарника. И смотрит она на фото задумчиво так, мечтательно, с тоской неутолённого вожделения… Но это лишь скупые мужские мечтания.

Посмотрел на гордость личного хозяйства – старинные, но исправно работающие ходики с кукушкой, висящие на противоположной стене – шесть тридцать пять на циферблате. Запросто бы ещё пару часиков отхватил. Значит, что-то случилось.

Ирка вернулась через пару минут и тут же принялась безжалостно мазать моё несчастное колено йодом и какой-то вонючей мазью из пухлого тюбика без этикетки. Я с удовольствием терпел, уж больно кайфово посидеть вот так рядышком с аппетитно-мягким женским. Особенно, если стоит с утра, как у молодого. Задница, скажу я вам, у моей Иришки… Слов нет для описания какая у неё задница, ага. Это ж песня самого Эроса, музыка, симфония секса, настоящий

символ! Жаль, что сегодня эта живая чудо-музыка изуродована пятнами на куртке из камуфляжа ВСР-98 «Флора», она же «Капуста» или «арбузный» камуфляж. Удачный, надо сказать, но старенький, не подходит он для такой женщины.

Зато сложносочинённые тактические штаны на ней классные – камуфло Multicam, да ещё и с бежевыми пластиковыми наколенниками в стиль. Это у неё что-то вроде «парадки», не часто надевает. Ирина не рассказывает, где нашла и за сколько купила такую редкость. Очень дорогая вещь, но и Кретова – человек не бедный. Скорее всего, штаны попались какому-то счастливчику в приземлившейся бочке, там порой настоящий эксклюзив встречается. А вот курточки из «мультикама» нет, носит «арбузную». Дикое сочетание, конечно. В цивильной одежде Ирка принципиально не ходит, работа такая, характер такой. Профдеформация.

Мацануть её я и не попытался, бесполезняк, сразу левым джебом в нос влепит. Хороший у неё левый джеб, электрический. Только и остаётся, что при случае тихонько посидеть, прижавшись к стене спиной. Помечтать. Ибо не даёт, принципы у моего группера.

– Потому как правильное понимание семейных ценностей у девушки! – так наш Дед сказал, когда я пожалился ему однажды. – Замуж она хочет, да так, чтоб ребёночек был, да строго по любви!

Будто нельзя просто побаловаться.

– Эка! Тут только начни баловаться, гулённое дело нехитрое, – философски ответил мне тогда Дед. – Где мы потом небалованных брать-то будем? И без неё найдёшь, с кем расслабиться. По любви надо.

По любви…

А я вот по любви что-то боюсь. Обжёгся сильно, было дело. Имелась и у меня когда-то невеста. Бывшая русская, ставшая чешкой. Сильно я к ней прикипел, очень сильно. А она взяла, да и свалила в сторону заката. Я потом в Карловы Вары к ней приезжал, типа, как к подруге, ну, как бы в гости. На самом же деле неосознанно совершал ритуал прощания, чувствовал, что больше мы никогда не увидимся. И всё равно попёрся, тянуло!

Маша-Машенька, милая шалунья… Училась она на фармацевта в Белгороде, закончила учёбу в числе лучших на курсе, да и уехала в Чехию работать. Успешная такая, правильная, сука, грамотная, лекарства новые придумывает, диссертацию пишет.

С Машкой у нас, как несложно догадаться, в Чехии вышел полный облом и расход бортами, река жизни всё сильней разъединяла суда; разными курсами мы пошли, вскоре уже и жизнь понимать стали совсем по-разному. Так что визит получился более дружеским, чем эротическим. Зря я поехал. Она уже европейский общечеловек, а я кто – азият енисейский, бывший автослесарь, ныне сержант-контрактник, как подозреваю… И никакой диссертации в перспективе. Не в уровень крестьянский конь королеве.

Пожил у неё немного. Поначалу готовился к полной автономности, хотел забронировать гостиницу, чтобы жить этаким независимым и гордым героем-любовником. Машка всё переиграла – сняла мне жильё в старинном доме, настоящую чешскую провинциальную квартирку, весьма бюджетно и удобно. По-человечески отнеслась.

С питанием в Чехии никаких проблем, относительно дёшево, гостиничный ресторан не нужен, их столько вокруг понатыкано по уютным подвальчикам… Настроение питию не способствовало, потому я легко отходил тёмненьким бархатным пивом, без добора градуса и литража. Тихо, спокойно, ни скандалов, ни шумов лишних. И ещё – в окрестных «ресортах» и «иннах» живут излечивающиеся отдыхающие. Страшное сообщество, специфическое. Ездил я как-то в детстве с родителями в город-курорт Трускавец, так вот – примерно то же самое. Громкие оздоровительные базары за столиками в столовке, ценные советы, яркие впечатления от клизм, публичные оценки собственного самочувствия – тошно слушать. «Серафима Ульяновна, а вы, позвольте спросить, чем с утра, драгоценная наша, клизмились, ромашкой или ландышем?».

Впрочем, в Карловых Варах слушать не очень напряжно, приезжие говорят на разных, иной раз плохо понимаемых языках. Кроме немецкого, его я откуда-то неплохо знаю. А вот эмоции одинаковые. Те ещё, больничные, здравые и сугубо полезные. Я от такого оздоровительного фона словно постарел. С иностранцами в кабаках общался на английском. Он у меня весьма хреновенький, но словарного запаса для несложного трёпа хватает. Чешский же учить не стал из принципа. Несчастливая для меня страна оказалась, да и бог с ней, пусть хоть

пропадёт, хоть расцветёт.

Зачем рассказал? Затем, чтобы обозначить: вот за этим порогом я не припомню ничего связанного. Всё, что со мной было после этого, вырезано из памяти. Не знаю, что было непосредственно перед тем моментом, когда меня спеленали, обкололи и усадили в баррель. Лишь иногда ассоциативно вспыхивают какие-то рваные воспоминания, словно в голове прокручиваются короткие, всего на несколько секунд, любительские видеоролики. Память подчищена лишь частично, выборочно. Нет воспоминаний о последнем месте работы-жительства, о родных и близких, об образовании, например. Поэтому ни про свою личную жизнь, ни про остальные любовные истории, накопленные за мою недолгую жизнь, ничего интересного рассказать не смогу. Знаю, что та любовь оказалась несчастливой.

Где же её взять, счастливую? На новом месте, где же ещё, вряд ли меня отправят назад. Ну, а что… Конечно, здесь, это же не Чехия. А здесь Жестянка. Местность, мир, а может и планета.

Вот только Ирина мне до сих пор чешскую Машку напоминает, хоть ты тресни. Похожи они обликом, чисто внешне схожи, даже удивительно, словно сёстры. Наверное, вот это мне и мешает.

– Что же ты такой неопрятный? Всё, надевай штаны, боец, не пугай девушку огурцом, – пробурчала напарница, резко вставая со скрипнувшей кровати.

Это да, огурец с утра такой, что аж в штанах хрустит.

Больно ноге. Что ж так не заладилось-то с самой зари?

– Как вернёмся, к Магдалине пойдёшь, пусть посмотрит, – безапелляционно распорядилась вредная женщина.

Не хочу к Магде. За две минуты любого до смерти залечит. Магдалина Оттовна Катилюте – чудовищной мощи доктор. Из любого положения и с любого расстояния шприцом попадет в нужное место и в нужный сосудик иголочку воткнет. И точно по месту, без подранков.

Помолчал секунду. Потом лишь вздохнул и спросил:

– Что там, родная?

– Зов небес, коллега! – выдохнула Кретова. – Два барреля к нам торопятся, попадают в ближний сектор, причём почти рядом, судя по траектории. На северо-западе. Голубой да жёлтенький. Купола раскрылись, срыва нет.

Раскрылись – ключевое слово, тут спасателям положено поторапливаться всерьез, время дорого. Я громко присвистнул. Надо же, какая удача, ещё и жёлтенький есть! Давненько их не было, жёлтеньких-то, это важная тема! Гиперважная тема! Всё ясно, группе надо гнать полным ходом, то есть вваливать так, что даже чайку на бегу не хлебнёшь.

– На боевое поле летят, или к лесу сносит?

– Точняком валят, ветра почти нет.

– На глайдере рванём?

– На хренайдере… Блок питания пустой, дожгли, бездельники, на бытовухе, только в воздухе и висит, скотина чёрная, а везти не хочет. На «уазике» поедем, – сообщила она.

Глайдер, он же гравилёт, реже антиграв, даже с абсолютно пустым блоком питания способен висеть над землей чёрт знает сколько времени. На такое зависание остатка энергии у аппарата почему-то хватает, плиту при активации паролем вполне можно толкать вручную, нагрузив её чем-нибудь тяжёлым. Если нужно чего транспортировать, недалеко, конечно. По территории, например, по хозяйству. А вот дальше не получится. Потому что в таком случае, то есть без батарейки, глайдер не будет обтекать поверхность, пойдет строго по горизонту. Почему – никто не знает.

Ну, это нормально, на Жестянке вообще мало кто чего знает. Даже Дед.

Ладно, на джипе так на джипе. Кое-как присел, шнуранул ботинки.

– Сам спустишься по лестнице?

– А на ручки?

– Облезешь.

– Огорчила. Тогда я в окно прыгну.

– Дурака кусок.

Поговорили.

Голому собраться – только подпоясаться. Тревожный рюкзачок на одно плечо, ствол на другое, вот и весь набор, который нужно ухватить. Ствол у меня незамысловатый – самый короткий мосинский карабин, в Сибири такие до сих пор называют «колчаками». Оптики на нём нет, всё никак не разживусь. Мы люди простые, с открытого садим… У Ирины машинка немного поинтересней, СКС с оптикой и штатным неотъёмным штыком.

На выходе я глянул в круглое зеркальце со старой амальгамой, подвешенное сбоку от двери. Тоже старое. Зато настоящее, а не полированный кусок нержавейки, как у остальных! Низковато висит, для моих метра восьмидесяти семи неудобно, перевесить надо бы. Что ж я такой ленивый стал? Согнувшись, с опаской посмотрел на себя.

Ну что, доброе жестяное утро, Денис Рубин, молодой интересный мужчина тридцати четырёх лет от роду, русский, скорее всего несудимый и не привлекавшийся, скорее всего – бездетно-неженатый… И без всяких «скорей» не очень везучий. Не морщи нос, пацан травмированный, вполне может быть, что именно сегодня ты что-то там обретёшь и перейдёшь на новый уровень. Действительно, нет причин унывать, всего лишь колено рассадил… А мог бы во сне и поперхнуться чем-нибудь. Жив, здоров, никем пока не съеден и не зарезан. Работа интересная есть, друзья-подруги, грех жаловаться.

Зараза, как бодренько щетина полезла – всего два дня не брился, а уже лезет вовсю, кто бы её просил! От нервов такая скорость роста, что ли? Борода у меня,

как я считаю, некрасивая, бело-рыжеватая, поэтому стараюсь не отращивать. На башке – короткие волосы, светлые, лицо славянское, правильностью пропорций не блещущее, что в наши дни нормального мужика должно только порадовать. Что ещё можно отметить… Не очень-то приветливый усталый взгляд специфического ремесленника, кинутого в Европе красивой женщиной, а затем перемещённого чёрт знает кем и зачем в края эти непонятные. Глаза красные, жуть! Вообще-то они у меня вроде серые, но не сейчас. А на носу что это за шрамик, когда получил, что именно произошло?

«Мультикама» у меня нет, «Флору» не люблю, хожу в старом добром костюме «Горка».

Пятисотка просыпалась по расписанию, вокруг зазвучали женские голоса, со стороны пищеблока потянуло аппетитными запахами готовки. Трудового народа не видно, кто-то уже на рабочих местах, кому-то рано ещё. Спит и мой сосед по двору, мастер Левашов, под большущим навесом его мастерской, что стоит на площадке напротив, никакого шевеления. Живут же люди.

Это наш гарнизон и одновременно посёлок так называется, Пятисотка. Почему – никому не ведомо, Владимир Викторович Казанников, глава поселения и начальник гарнизона, которого в общине принято называть просто Дедом, выдвинул версию, что некогда именно так назывался секретный «Объект 500». Дедом мы его называем только за глаза, он это прозвище не любит. Извольте обращаться по имени-отчеству.

В плане Объект-500 похож на пятилучевую звезду, окружённую невысоким земляным валом с восстановленной несколько лет назад железной стеной. Поверху – ряд колючей проволоки, это так называемый безопасный периметр. Зачем он нужен, первопоселенцам гарнизона было не совсем очевидно. Логика у них была такая: раз периметр имелся тут изначально, то пусть и останется, военные люди его неспроста поставили. Сначала была только колючка. Затем защитный контур укрепили листами жести. Внутри территории расположены пять больших бетонных капониров, для маскировки покрытых землей с дёрном, на котором периодически зеленеет травка и кустики. Недавно там три птичьих гнезда возникло. От каждого капонира к центру Пятисотки тянутся короткие дороги.

Когда-то в секторе стоял зенитно-ракетный дивизион, Дед считает, что это была система С-200 «Вега», по классификации НАТО – SA-5 Gammon – советский ЗРК дальнего радиуса действия, предназначенный для обороны больших площадей от бомбардировщиков и других стратегических летательных аппаратов. Как наиболее мощное средство ПВО эта система длительное время не поставлялась на экспорт и была развёрнута исключительно на территории СССР.

Шесть пусковых установок, аппаратная кабина, кабина распределительная и подготовки к старту, дизельная станция, двенадцать автоматических заряжающих машин с ракетами и антенный пост с радиолокатором подсвета цели. Ракет, тягачей и пусковых установок не осталось. А вот ложементы для ракет в капонирах сохранились почти все. Тем не менее, Владимир Викторович регулярно нам с Иркой намекает, что если хорошо поискать, то кое-что материально интересное может и найтись. Осталась же нам в наследство замечательная электростанция с двумя котлами – жидкотопливным и универсальным, этот можно хоть дровами топить. Вот только с дровами плохо, а бензин жалко.

По краям «Объекта» на двух насыпных земляных конусах раньше стояли выкрашенные в песочный цвет радиолокаторы – коробки-кунги на колесах со сложной дюралюминиевой антенной. Нынче один радиолокатор валяется под откосом, сброшенный вниз каким-то мощным ураганом, всё мало-мальски пригодное из отсеков уже попёрли.

В сводчатых капонирах теперь живут не вояки и учёные из научного блока, а нормальные люди общины. А в двух наблюдательных вышках над низкими строениями неясного назначения – ненормальные. Такие как я. Зато у нас есть свобода! Свобода одиночества.

Ступил на выжженную землю территории посёлка и сразу сморщился. Ноет колено. Теперь целый день болеть будет.

Так, надо наскоро оправиться, умыться, взбодриться.

– Ты скоро?

Я не ответил, уж пару минут боевая подруга и спускающиеся баррели подождут. К ноге, требуя немедленной ласки, прижался рыжий общинный кот по имени

Прохор. Из пасти зверя торчал вяло шевелящийся мышиный хвостик. Пришлось погладить по упругой спине. Прохора никто не кормит, тут мышей предостаточно. Эх, добыть бы на радость аграриям кошечку, наплодить котят…

Вокруг всё привычное. Рукомойник из дюралюминия, прибитый прямо к кирпичной стене, три детские коляски, приспособленные для перевозки груза вместо тележек, несколько ржавых бочек на углу. Рядом массивная чугунная ванна под навесом с системой желобов-водоводов, я их сам монтировал и отводил водосток так, чтобы в кратчайшее время собрать максимальное количество дождевой воды. Ванна старая, внутри чистая, снаружи страшноватая, хотя лягушки там заводиться не успевают. Лягушки здесь в дефиците, их и на Дуромое не так-то просто обнаружить. Это эпизодически работающий сантехнический аксессуар. Не многие в этом мире ещё помнят это слово. Наверное, кому-то трудно будет поверить, что я ней купаюсь. Во время коротких, но очень бурных ливней под аккомпанемент грозы с молниями, а в начале лета они именно такие, я успеваю её вымыть и набрать в ёмкость чистой прохладной влаги. Если нахожусь рядом, конечно.

Поначалу в эту ванну лезли все кому не лень. Только я отдраил её до санитарной нормы, и нате вам, повалили нежданные любители купания. Пришлось разъяснять, чьи в лесу шишки, пару раз даже кулаки применил. А что, любишь купаться, люби и ванночки помыть. Это моя ванна, мой маленький пруд.

В отличие от электрики, сантехнические коммуникации сохранились на Пятисотке гораздо лучше. Неподалёку прямо по поверхности проходит трубопровод, открытый солнечным лучам. Последние дни на Пятисотке были тусклыми из-за висящей в воздухе пыли, но жаркими, и солнце нагревало трубы. Водонагреватели забились песком десятилетия назад, но теплая вода после дождей там бывает, нагреваясь от труб. Где-то с полгода назад сводная бригада умельцев пыталась запустить водоснабжение от речки, но мастера потерпели фиаско. Восстановленный насос оказался маломощным, не обеспечивал необходимого давления, да и фильтр быстро забивался. После двух недель мучений Владимир Викторович операцию «Напор» прекратил.

Скамейки для отдыха, одна из них любимая, я за ней ухаживаю, один раз даже красил. Со стороны речки к периметру посёлка вплотную примыкает небольшой пруд, в котором наши аграрии пытаются разводить карпов, а заодно это наш пожарный водоём. За ним стоит одноподъездное двухэтажное здание. Целых дверей и окон в нём нет, одни мрачные проёмы. Мы совсем недавно с большим

трудом смогли восстановить кровлю. Дед считает, что здесь когда-то размещался штаб гарнизона, а может и чего поважней. Хорошо бы побыстрей восстановить этот дом до состояния жилого, классная получится обитель. Жаль, свободных рук и лишних людей у нас нет, как тут восстанавливать…

В здании пока никто не живёт, и поэтому заброшенный двухэтажный штаб наполнен лишь леденящими душу звуками. Сильные ветра колышут отошедшие от дерева листы железа и куски шифера. Кажется, что внутри кто-то постоянно ходит и наблюдает за тобой. Жутковатая иллюзия.

Кровля здания после восстановления стала пятнистой, заплата на заплате, и все из разных материалов. Жуть, дом словно вытащили из игры «Фоллаут». Достать бы краски, да покрыть бы кровлю зелёным цветом. Именно зелёным, его так не хватает в этом серо-жёлтом мире.

Вообще-то на Пятисотке перманентно идёт какая-нибудь очередная ударная стройка. Мы вечно что-нибудь роем, что-то куда-то тянем, разбираем-монтируем, ремонтируем, адаптируем и усовершенствуем… Мало на Жестянке существует поселений, которые вот так шевелятся, отдельное спасибо Владимиру Викторовичу, что пинает личный состав.

Только строить особо-то не из чего, со стройматериалами дело дрянь. Обрезную доску не найдёшь, это страшный дефицит, о фанере можно только мечтать. Строевого леса поблизости не обнаружено, у реки стоит небольшая рощица, где растёт акация и какие-то кривые саксаулы высотой максимум в пять метров. В дождливый сезон эти деревья, до сих пор не идентифицированные по причине отсутствия в общине квалифицированных ботаников, покрывают небольшие листочки с зубчиками по краям, сочные, жирненькие такие. В засуху они постепенно желтеют. Эта роща тоже под искусственным поливом, благо река совсем рядом. Именно там, в тени, гуляют дети общины.

За деловым мотаться нужно далеко, километров за тридцать… А на чём, скажите, возить хлысты? Лишнего транспорта нет. Поэтому на Жестянке чаще всего люди строят из того, что падает с неба. Из металла вскрытых баррелей и частей внутренней обшивки. Радиолокатор подсвета цели Дед разбирать не разрешает, стратегический запас.

В секторах между дорогами-лучами и за периметром расположены разномастные огороды – открытые и теплицы аграриев, опытное поле и свинарники. Без них общине никак не выжить, это только молодняку поначалу кажется, что можно прожить исключительно охотой да рыбалкой.

Солнца тут предостаточно, с водой хуже. Дождей нет уже три недели. И ещё пару недель не будет, точно говорю. Великая сушь, такое время, приходится постоянно поливать. Аграриев спасает небольшой ручеёк, протекающий по территории – в давние времена ещё первые обитатели Пятисотки прорыли от реки Дуромой самый настоящий канал. Титанический труд, скажу я вам, как за такое не уважать предшественников-основателей.

С вершины второй кирпичной вышки, что стоит по диагонали от моего жилища, приветственно махнул рукой несущий службу Джон, а я, с шипением ковыляя к внедорожнику, кое-как отмахнулся. Джон держит в руках АКМ, и это пока единственное в Пятисотке автоматическое оружие. У его напарника Игорёни на вооружении длинная «мосинка» со штатным прицелом. Хреново на Жестянке с огнестрельным оружием, до крайности не весело. Гладкоствольные ружья ещё как-то можно добыть, а вот нарезняк заиметь почти нереально. Всё перечислил? Нет. В общине имеются три несамовзводных револьвера системы Нагана. Два находятся у старших женщин бригады аграриев, матрон. Они чаще всего работают на открытом воздухе, какое-то средство самообороны необходимо иметь. Третий у Магдалины Оттовны, в санчасти всякое может случиться, пациенты порой сложные. Ещё есть три вертикалки двенадцатого калибра, эти у молодняка.

Ну и личная супервинтовка Казанникова.

Где он сам, кстати? Спит ещё?

Джон в бинокль пристально смотрел в сторону боевого поля. Чётко работает. Это охрана посёлка, четыре человека, несущие службу на фишке посменно, круглосуточно. Двое часовых стоят на вышках, остальные дежурят на подхвате, отсыпаются или присматривают за женщинами, вышедшими на внешние работы, то есть за периметр базы. Но и их припахивают для хозяйственных нужд, конечно, мужиков на Пятисотке совсем мало. Дед и припахивает. Он у нас староста общины, глава поселения. Главный по всему, вождь, короче.

Огляделся вокруг.

Народа не видно, все заняты своими делами, работают. Здесь нет места праздношатающимся, никаких условий для вольных художников и поэтов. Лишь в сорока метрах к северу возле большого навеса у длинного стола толпится группа разновозрастных детей. Это хозяйство Камиля Левашова, которого у нас все называют Левшой. Левша и есть, незаменимый человек, уникальный мастер на все руки, умеющий делать всё вообще.

В хорошую погоду он работает на свежем воздухе, под этим самым навесом. В ненастную уходит в маленькое здание бывшей подстанции, где у Камиля размещаются жильё и основная мастерская. Судя по тому, что дети не сидят на лавках, можно понять, что сегодня у них уроки технического творчества и изобретательства. Кроме прочего, Камиль ведёт занятия по прикладной физике и химии. А после того как мастер собрал для них четыре настоящих охотничьих арбалета, пацаны в нем души не чают. Ведь вооружённый мальчишка уже не пацан-босота, а настоящий мужичок.

Над мастерской-подстанцией медленно крутит лопастями ветряк генератора. Есть три солнечных панели, большим количеством мы пока не разжились. Как назло, «солнышки» попадаются в красных бочках, которые редко приземляются на полигоне. Ветряков уже четыре и в совокупности с небольшой турбинкой на плотине суммарно вырабатываемой всеми агрегатами электроэнергии хватает на скудное освещение Пятисотки и зарядку аккумуляторов. Основной генератор запускается редко, при больших нагрузках. Например, когда задействован токарный станок Левашова, в медсанчасти идёт операция или же нужно включить мощные прожектора освещения периметра.

Гм-м… Похоже, они пятый арбалет и собирают. Я не стал отвлекать мастера даже приветственным взмахом руки, человек важнейшим делом занят, учит детей работать головой и руками. Он вообще всегда занят, масса заказов на ремонт или изготовление.

Ходит Левша плохо, очень недалеко и недолго, не помогает даже тросточка. Всему виной травма при приземлении барреля. Его как-то неудачно, неправильно разместили в чашке ложемента или плохо зафиксировали привязными ремнями – при ударе Камиль повредил спину, а откликнулось в ногах.

Вечерком к нему зайду.

– Прыгай быстрей! – не оборачиваясь, бросила Кретова. Она уже сидела за рулём замершего рядом внедорожника.

– Ты вообще нормальная, Ира, падла? – я реально разозлился, аж кулаки сжал. – Какой тут прыгай!

– Давай, давай, не дави слезу, шевели булчонками! У меня в сумке термос лежит, налей-хлебни! – и она тут же рванула с места, словно ужаленная, через пару мгновений пролетая через заблаговременно открытые ворота центрального выезда.

Издевается, что ли, как тут нальёшь?! Табуретка на колёсах!

Но пить чай я буду. Даже в таких условиях.

Глава 2

Мир стёртой памяти

Открытый «бобик» цвета хаки летел по грунтовке под сороковочку. Да-да, для нас такая скорость – именно «летел». Зажав в руке так и не открытый китайский термос, я, забыв про тряску и жажду, с лёгкой грустью посмотрел на Кретову.

Ох, и хороша же эта боевая девка в такие минуты! Собрана в комок нервов, настроена очень решительно, губки поджаты. После воспитательного разговора с Дедом она начала отращивать волосы цвета спелого каштана, шампунь у торгашей спрашивать начала. Раньше Ирина без лишних фантазий стриглась под армейскую «площадку». Сейчас – ну чисто лялечка, у нашей Ирки появилось симпатичное брюнетистое каре. Сухой ветер развевал ещё короткие локоны. Валькирия!

Кретова стянула куртку, оставшись в короткой маечке, выгодно подчёркивающей крепкие руки с рельефными бицепсами. Тёмный

хлопчатобумажный платок висит на шее, иногда она подвязывает им волосы. Но не сейчас.

А я чего в потрёпанной кепке сижу, как бирюк? Стянул, подставил лыску под поток, степной ветер быстро остудил мозги. Налил из термоса.

Завихрения донесли лёгкий, очень приятный запах каких-то духов – вдыхал бы да вдыхал… Но того парфюма всего три флакончика на весь посёлок, так что девчата его по капельке делят, по крохотулечке, по очереди. Бедные вы мои женщины, если бы я только мог – накупил бы вам того клятого парфюма по чемодану каждой. Пора какой-нибудь особенно ценный ресурс добывать, тогда можно будет в городке поискать да купить. Хотя какой это город, честно говоря, это просто небольшой посёлок, на всю застройку всего четыре двухэтажных здания. Сами жители считают иначе, и требуют, чтобы их называли горожанами. А нам что, жалко, что ли? Хоть урбанами.

Кто-то из романтически настроенных отцов-основателей назвал этот городок посреди бескрайней саванны Переделкино. Москвич, наверное. Вот только следующие обитатели поселения были начисто лишены романтики и тут же огрубили название до Передела. Передел он и есть, такой вариант названия довольно точно проявляет основное занятие жителей – сбор, утилизация и переработка, то есть вторичное использование всего, что можно найти на поверхности Жестянки. И это не только корпуса баррелей, порой здесь можно обнаружить удивительные вещи. Один из спасателей-стажёров припомнил локацию Предел из компьютерной игры The Elder Scrolls V: Skyrim, но это название мне мало о чём говорит, не играл. А вот «Сталкер» помню неплохо.

Основная часть населения городка – из тех бедолаг, которые попали на Жестянку при первом массовом забросе. А также их потомки и выжившие пассажиры баррелей, которые по тем или иным причинам не задержались в гарнизоне Пятисотки. В Переделкино хорошо развит малый бизнес, есть много мастерских, своеобразных мануфактур, работают лавки старьевщиков и маленькие магазинчики.

Там много чего можно купить или выменять. Не тот ли сегодня случай – день удачной добычи «обменки»?

Пш-ш…

– «Вышка-Контроль» – группе! Ира, День, вы поторопитесь там, объекты уже на подходе, садятся… Ветер слабый, почти не чувствуется. Лучше сразу левей забирайте, ребята, чтобы время не терять!

– Да видим мы, видим! – ответил я Джону.

Обе связки куполов были уже где-то на высоте триста.

Эти яркие купола хорошо заметны, их можно разглядеть даже на горизонте, а вот это очень плохо.

«Сука, ещё и день, как назло, ясный до изумления!» – подумалось мне.

Видимость практически идеальная, снижение аппаратов наверняка засекли многие окрест. Я взял в руки облезлый старенький бинокль. Он, кстати, уже совсем дохлый, жив только стараниями Левши, так что прибор тоже надо бы обновить. И заполучить в группу ещё один. Ох, что-то энтропия на посёлок накатывает, всё быстрее копятся мелкие проблемы и нехватки… Пора что-то делать.

Лишь бы вольные сталкеры не полезли в зону приземления. Вот их сразу мочить буду, без раздумий, ей богу! У меня с ними личные счёты, можно сказать, кровные. Был у меня верный друг, Коля Дергачёв из группы спасателей. Я тогда ещё только начинал осваиваться в гарнизоне, служил в охране периметра. В один очень плохой день и момент, когда Дергачёв с Кретовой вскрывали только что приземлившийся грузовой баррель, на них напали вольняшки. Завязалась перестрелка, в которой Николай и погиб. Так что этим падальщикам пощады от меня ждать не стоит. Хотя Владимир Викторович всегда настраивает нас работать без лишней крови.

Позже могут ещё и степные койоты подтянуться, но это нам уже по барабану, баррель сам по себе не распахнётся.

– Да не гони ты так, шальная императрица, дай мне хоть подходы разглядеть! И чаю попить!

Ирина спорить не стала, чуть сбавив скорость.

– Смотри на здоровье!

Хорошо, что вокруг всё раскатано бесчисленными поездками. И укрытий поблизости практически нет.

Мы называем это место полигоном, сектором сброса 500 или просто боевым полем. Вся поверхность боевого поля испещрена частыми оспинами небесных ударов. Большинство кратеров старые, давно осыпавшиеся по краям под ветрами и дождями ямы. В былые времена, которые никто из нас не помнит, сюда во время учебных стрельб смачно вмазывали баллистическими ракетами, запускаемыми с наземных установок или с подводных атомоходов-ракетоносцев.

Потом что-то изменилось, Объект начал принимать спускаемые аппараты с ещё тёплыми трупами.

– Вроде бы без шухера, Ира, не вижу никого вокруг. Пока, – объявил я с уточняющей добавкой.

– Хорошо, если так, – пробурчала напарница.

Оба барреля уже приземлились, тормозные системы спускаемых аппаратов отработали штатно, капсулы сели на грунт без удара. По крайней мере, позвоночники у пассажиров, если они там есть и живы, не повреждены. Небо опустело, купола огромных парашютов как-то нереально медленно опадали по бокам от барреля причудливыми складками. Интересно, почему их прозвали по-английски, баррелями, а не по-русски? Бочки и бочки, можно было бы и по-нашему. Банки… Ан нет, кто-то из первых спасателей выпендрился, а там и прижилось словечко.

Вообще-то, изначально баррелями называли «голубые бочки Рокфеллера», они со временем и стали стандартом, мерилом объёма добычи в нефтяной отрасли. Наши баррели в определённом ракурсе чем-то действительно похожи на огромные пивные банки или составные пластиковые контейнеры для шоколадных яиц – «киндер-сюрпризов». В другом ракурсе видно, что они имеют сглаженные углы.

Пятисотка русская община. Принудительно русская, я бы сказал. Кто бы сюда ни попал, быстро становится русским, и говорить он будет только по-русски, как

миленький. Здесь не забалуешь, без выбора. И вдруг – баррели… Что-то я разворчался.

Вот это и есть наша с Ириной работа – ловить баррели, которые регулярно валятся к нам с небес. Собственно, Пятисотка для того и стоит в секторе сброса, здесь живут ловцы баррелей, спасатели, медики и все те, кто так и иначе обеспечивает миссию. Не нами такой расклад придуман, не нам его и отменять. Только лишних вопросов мне лучше не задавать сходу, нетрудно догадываться, каким будет ответ. Хорошим людям я и сам постепенно расскажу, что знаю, и до чего додумался за время службы.

В баррелях под голубыми куполами находятся люди, пассажиры. Обычно по четыре человека в упаковке, именно столько ложементов в объёме корпуса предусмотрено загадочным заводом-изготовителем. Из инструктажей каждый новый спасатель узнаёт, что иногда одного человека заменяют каким-нибудь домашним животным, сам такого ещё не видел, я лишь недавно встал в группу полноценно.

Какое может быть настроение на такой работе? Ужасное. Завидев в небе купол, можно сообщить заранее: только что прибывшие пассажиры с вероятностью почти в восемьдесят процентов уже мертвы. Трижды баррели падали в этом месяце, и все три раза внутри оказывались лишь хладные трупы. Что-то не срабатывает в системе спуска, или атмосферный клапан открывается раньше времени, на большой высоте, где мало кислорода, либо же не открывается вообще. Так объясняет эксцессы наш многоопытный механик. Неудачная конструкция или неправильная отстройка. В результате разгерметизация, мгновенный перепад давления, гибель…

А вот тела всегда остаются тёплые, это и есть самый страшный момент обнаружения и определения, меня каждый раз прям в дрожь бросает. Жутковатое это дело, голубые баррели открывать, я так и не смог привыкнуть.

Раньше, рассказывает Владимир Викторович, корпуса всех баррелей были обгоревшими, их, похоже, сбрасывали прямо с орбиты. Потом технологию спуска поменяли что ли, не знаю. Улучшили, сволочи неизвестные, людей начали скидывать из стратосферы, на корпусах всех баррелей этого года нет и следа воздействия пламени. Я застал лишь четыре орбитальных спуска. На память о предыдущих спусках нам остались старые обгоревшие аппараты, валяющихся по степи, на вводных занятиях их показывают всем новичкам.

Иногда у баррелей не выходят вытяжные парашюты, и тогда спускаемые аппараты летят из стратосферы камнем по баллистической траектории, разогнавшись на орбите и на спуске, они страшно шмякаются о жёлтую землю полигона, порой зарываясь в грунт на метры. Такие капсулы мы даже не берёмся отрывать из ямы, откладывая подобные операции на неопределённый срок. Обычным инструментом эти лепёшки не вскрыть. Хотя две штыковые лопаты постоянно лежат в машине – людей в любом случае захоронить надо. Забрасываем яму, как уж можем, место наносим на карту, но контрольные флажки не ставим, чтобы не разграбили сталкеры. А ведь когда-нибудь придётся вскрывать…

Есть, от чего ошалеть? Вот и я говорю. Каждый раз едешь искать выживших, а находишь покойников.

А люди общине нужны позарез. Живые! Способные продуктивно работать, заниматься жизнеобеспечением, развитием крошечного поселения и гарнизона, исправно нести охранную и спасательную службу, в семейном счастье рожать детей. Последняя удача случилась чуть менее трёх месяцев назад, тогда у нас и появился Игорёня. Единственный выживший при той памятной посадке. Долгий случился перерыв в череде удач.

Никому не пожалуешься.

Никого матом не пошлёшь, в глаз не дашь.

Нет обратной связи с таинственным ЦУПом, Центром управления полётами баррелей, некому им пулю между глаз вставить.

Есть только странная миссия – можно всю территорию перерыть, а нормативных документов к ней не найдёшь. А миссия есть. Когда-то Деда обучили, а он нас.

И мы с Ириной, как и положено профессиональным спасателям, со всей возможной скоростью мчимся на каждый купол, хоть ты расшибись – даже если тебе обе ноги отстегнёт. Ползи, но спасай. Какие там ушибы и разбитые коленки, вы о чём, вообще? Вдруг посчастливится, и выживет весь экипаж, бывает же! Ведь все мы именно так сюда и попали. В таких вот баночках свалились на боевое поле, прямо в хрустящие заросли саксаулов, да на

выжженную траву Жестянки.

Откуда эти самые баррели валятся – решительно неизвестно.

Космических кораблей, спутников, орбитальных станций или стратостатов над Жестянкой пока не наблюдалось, как и инверсионных, а правильнее кондиционных следов реактивных самолётов, летящих под сиренево-синей стратосферой. Специальные наблюдения, правда, в гарнизоне Пятисотки не проводятся. В астрономах нет никакой необходимости, все плановые наблюдения были прекращены ещё до моего появления. Наблюдают за небесами только новички, даже после разъяснений ещё питающие какую-то надежду. Игорь, лишь недавно перестав таращиться в небесную высь по восемь раз за час, до сих пор нет-нет, да и вскинет голову к облакам и звёздам.

А звёзды, похоже, совсем не наши, не земные.

Тем временем джип уже выкручивал между размытыми контурами старых глинистых кратеров, торопясь к огромным бесформенным пятнам яркого парашютного шёлка, Ирка всегда маневрирует по-хозяйски, аккуратно, дабы не пачкать ценные купола грязными колёсами. Вот с чем-чем, а с парашютной тканью на Пятисотке всё нормально, куполов всегда хватает, мы ими в Переделе торгуем.

Я, облизываясь, глядел на жёлтый баррель, но Кретова ожидаемо рванула к людской бочке, инструкция. Она так долго не отрывала взгляда от места падения спускаемого аппарата, что наш верный тарантас чуть не съехал с пыльной грунтовой дороги в большую промоину. Что-то зло рявкнув, водительница быстро сориентировалась, и УАЗ-469, оставив слева большой гранитный камень, уже медленнее покатил в нужном направлении. Приметный каменюка, лежит вроде как в маленькой пещерке, но почти весь на солнце. Круглый такой, белый, гладкий, как яйцо какого-нибудь динозавра, только очень большое. Многие пытались проверить это «яйцо» на прочность, но изыскания ударного типа ничего не дали.

Под жёлтыми куполами на Полигон сваливается некий материальный ресурс. Это так называемые крупные «ресурсники». Редкость, между прочим. На три людских барреля ЦУП закидывает одну такую вот сокровищницу. Насколько я

понимаю, это капитальная материальная помощь приземлившимся и выжившим пассажирам. Непонятно, почему грузовые баррели не идут комплектом с людскими, будто на далёкой или близкой станции отправления кто-то из снабженцев жадничает. У них там что, дефицит на складах?

С чем прибывают эти грузовики на полигон? По-разному выходит, тут никогда не угадаешь. Внутри ресурсника может оказаться всё что угодно, вплоть до полных неожиданностей. Это так называемый «лут». Например, именно в таком грузовом барреле пару лет назад нашлись два глайдера-гравилёта. Которые сейчас без всякой пользы стоят в пустом ангаре, точнее, висят в воздухе – один вообще без заряда, во втором осталось чуть-чуть, на полделения. Запасных батареек нет, разрядились.

Глайдер – это или инопланетное чудо, или продукт развитой земной цивилизации, но моя память подобных технологических успехов не помнит. В генезис удивительных изделий мы, спасатели, не вникаем, без дополнительных сведений и капитальных исследований это непродуктивное занятие. Так же бесполезно гадать кто управляет ЦУПом, люди и инопланетные существа. Плевать, нам батарейки нужны.

Существуют и маленькие ресурсники, такие спускаемые аппараты приземляются под красными куполами. Вот уж точно бочки, мы их так и называем, «красные бочки», а в народе ходит название «краснухи». Это бесхитростные конструкции объёмом в четыреста литров, на корпусе простенькие крепёжи. Внутри может находиться жидкое топливо, запчасти к чему попало, различные консервы, всякая полезная в быту мелочёвка. Может попасться отличная одежда и обувь, а если очень повезёт, то и медикаменты в специальных сорокалитровых контейнерах. Изредка встречаются неплохие инструменты, немного чаще патроны разных калибров, а вот совсем редко – огнестрельное оружие.

Падают эти грузовички довольно часто, разлетаясь не только по Полигону, но и по всей Жестянке. Мы порой ловим и такие, то и дело воюя за находку с ещё неоперившимися, а потому особенно наглыми и безбашенными сталкерами. Приличная часть малых ресурсников падает за пределами зоны ответственности Пятисотки.

А вот голубые капсулы с людьми, «людские баррели», и жёлтые ресурсники в секторе спускаются только здесь, на боевом поле, их кидают очень точно. Поэтому желающих отжать большой грузовик всегда будет много.

Эти баррели действительно легли близко, вон он, периметр базы с вышками, хорошо просматривается с точки приземления.

– Стоп! – крикнул я, хватаясь за поручень.

Джип встал, как вкопанный.

– Что не так? – резко повернулась ко мне Ирина.

– Сталкеры, сука… Минимум трое зарылись, за кустами, – я пальцем показал направление.

– Что это у тебя с самого утра всё сука и сука? – неожиданно возмутилась Кретова, хватая бинокль. – Другие слова забыл?

Я что, ещё и вслух ругался?

– Да засучило что-то… Рацию бери, работать буду.

Вот сколько раз хотел я те купины кустарника, что от степи к территории Пятисотки почти вплотную подходят, спалить к чёртовой матери, а? Лентяй проклятый! В башке что-то мелькало, а до реализации дело так и не дошло. Да и мужики из аграриев запугивали: «Как это сушняк палить, ты с ума сошёл? Пожар устроишь, надо дождей ждать!». Умные все… То есть, мне что, надо в проливной дождик кусты поджигать?

Присев поудобней, я положил ствол карабина на трубчатую скобу. Говорил же, что сомневаться не буду!

Бах! Бах! Неторопливо высадив по целям весь магазин, я тут же вставил и большим пальцем выжал вниз следующую обойму. Эх, хорошо пошло, азартно, от души! Злость, видать, накопилась. Даже колено стало меньше болеть. Сердце и дыхание успокоились, стрелять стало удобней. Я старался бить чуть выше основания кустов, если не в башку дурную, так по ногам влепит.

Пш-ш…

– «Вышка-Контроль» – внимание! – напряжёно произнесла Ирина в микрофон. – Есть сталки, группа до пяти человек левей нас триста пятьдесят, в языке кустарника. Четыре вместе, один ближе к вам, прячутся.

– Понял тебя, Ир, подключаемся! – быстро ответил Джон.

– Быстрей, ребята!

Чужая горячая пуля зло стукнула по корпусу грузового барреля, ещё одна чиркнула по камню. Что ж вы делаете, сволочи, а если в людской попадёте? Плохо дело, у них есть «длинный» ствол, нарезной. По крайней мере один. Вот так Дергачёва и убили. Человек, честно выполняя профессиональный долг, летел спасать обезумевших от страха пассажиров барреля, но тут появились безбашенные вольняшки.

Это хорошо, что наши подключаются, хотя бы ради морального эффекта. Сейчас на вышку подскочит Игорёня. Его изношенная «мосинка» лупит далеко, да не очень точно, ствол старый, пуля почти проваливается в дульный срез. Так что звание снайперской эта винтовка давно утратила. Самое ценное в ней – штатный оптический прицел, хоть какая-то оптика, при острой нехватке в гарнизоне биноклей… Ничего, пусть пощёлкает как получится, а там уж подтянется и сам Дед.

У главного ствол зачётный.

Владимир Викторович тоже живёт в башне, однако его чудо-винтовка не на стенке висит, как у некоторых, а хранится в специальном сейфе с непривычно большим, вытянутым верхним отделением и одним местом в обитом зелёным бархатом деревянном штативе. Чудо называется Tikka T3 Varmint в калибре 243 Win, винтовка, привезённая, как уверяет владелец, под заказ из Финляндии. Кому именно она была привезена, как он её выцарапал и почему уверен именно в заказе? Конкретных обстоятельств обретения сокровища я не знаю, сам же Владимир Викторович на эту тему предпочитает не распространяться. У него вообще много тайн.

Машинка эта лютая предназначена для тяжёлого варминта, то есть для спортивной стрельбы по сусликам-байбакам на предельно возможной дальности. Старик ранее имел такое вот нестандартное хобби, любил на досуге неспешно

шмалять из дорогущих стволов по живой мишени. В варминтинге ещё есть лёгкий класс и дисциплина снайперов. Но сам Дед снайпером себя не считает, смешно.

В общем, совершенно уникальная вещь. Собственно, на нищей Жестянке такое точное оружие вообще в диковинку, я всего один раз подержал в посёлке винтовку CZ 550 308Win. Тут же вообще адский зверь.

Не завидовать шефу невозможно. Внешний вид лощёной винтовки сразу выдаёт стоимость и качество дорогого оружия, для особых людей деланного. С такой пушкой надо не по местным степям мотаться, а выезжать на соревнования куда-нибудь в Европу или в США. Налицо некий стандарт качественной высокоточной оружейки.

Нездешний у неё калибр, для Жестянки уникальный. Байбаков и на полигоне хватает, очень крупных, жирных и действительно вкусных после попадания на кухню гарнизонной столовой. Но никому и в голову не придёт тратить на их добычу драгоценный боеприпас, желающим отведать доступного свежего мяса вполне хватает прочных силков и тарельчатых капканов. Впрочем, Дед с ней вообще никогда не охотится, кроме как на сталкеров, поэтому патронов у него сохранилось довольно много, сотни три точно имеются. Он вообще охотой не интересуется.

А вот стреляет как бог.

Ну а с таким чётким стволом… На километр никому не посоветую подходить, если старик начнёт, то сразу выкусит из списка живущих, если захочет.

– Сейчас они включатся! – доложила Ирка.

– Отлично, – автоматически отметился я.

– Слышь, Денис, ты, по-моему, зацепил там кого-то!

– Да ладно…

Что, действительно попал, не? Леща, похоже, мне кидает, льстит.

А? Точно! Орут вроде, ругаются, подлецы, угрожают!

– Ты молодец!

Мой верный «колчак» стреляет весьма неплохо, ствол у него не изношен, кучный мне попался «винт». На триста метров им можно работать вполне уверенно. Как, сталкеры, вы меня поняли или ещё нет? Нет, похоже, опять зашевелились. Значит, ещё поотгоняем. На шестой обойме я взмок. Прихваченная из дому куртка, похоже, оказалось лишней, можно бы и снять. Тепло сегодня с утра, даже жарко, и это только начало дня. Оставшись в быстро высыхающей футболке, я почувствовал себя гораздо лучше.

Со стороны посёлка с вышки редко и размеренно застучала «мосинка» Игоря. Больших надежд на такую «отгонную» стрельбу мы не возлагаем. Хотя стрелок и старается вовсю, само качество оружия таково, что на большой дистанции впору говорить уже не о рассеивании, а о перенаправлении. Ну, пусть хоть так попугает.

Вы, часом, не подумали чего-нибудь лишнего, не очень для нас актуального? Про гуманизм там всякий, про добрососедство разумных людей, терпимость к неразумным да заблудшим, про необходимость делиться добытым? Ну и хорошо, что не подумали. Потому что вольный сталкер, чёртов вольняшка, он хуже бешеного койота, запомните это. Они могут только потреблять награбленное или сдавать притыренное торгашам в Переделкино. Сволочная публика. И неорганизованная – они, в отличие от других сталкерских общин, даже свою деревню в степи поставить не могут, анархисты. Сами себя вольняшки называют «свободовцами» и требуют этого же от других. Но ближним соседям эти понты до лампочки, потакать им в детских мечтаниях об утраченном мире компьютерной игры нормальные сталки не хотят.

Нет, открыто мы с вольняшками пока не воюем. Есть гласная, путь и устная, но твёрдая договорённость, что баррели с людьми они никогда не трогают. Вот только сплошь и рядом этот пакт нарушается – к вольным сталкерам подтягиваются молодые шакалята, борзые, рисковые, жизнью ещё не учёные.

Если мы с Иркой или ребята из второй группы прозеваем момент приземления голубенького людского барреля или не успеем вовремя попасть к месту посадки пассажирской бочки, то дело плохо. Наглые и тупые вольняшки никогда не станут заниматься людьми из баррелей, даже если те выжили при посадке.

Во-первых, у сталкеров для этого просто нет даже средненькой медицины и личной квалификации. А чудом выживший после спуска по баллистической траектории несчастный обыватель, ни разу не тренировавшийся на космонавта, сам по себе по степной полянке бодрячком не забегает. Игорь вон, на что уж здоровый парняга, и то целых три недели в больничке отлёживался. И это под присмотром Святой Магдалины, нашей легендарной врачихи, весьма и весьма высококлассного специалиста.

Во-вторых, живые люди сталкерам просто не нужны. Не интересны. Им нужен лишь материальный ресурс, или, как они сами называют, хабар, вот же паскудное словечко придумали… Разденут, снимут обувь и бросят умирать на жаре прямо в открытом отсеке, остальное сделают койоты.

В-третьих…

Как говорится, а теперь о главном.

Дело в том, что каждый из свалившихся с небес на Жестянку человек – чистый лист. Лишь спустя какое-то время люди начинают что-то вспоминать. Сложнейший момент, скажу я вам. Здесь особая забота требуется, а том числе и психологическая, опыт. Впрочем, слишком много из хроники своей прошлой жизни никому вспомнить не дано, всё лишь краем: обрывки воспоминаний, детальки, зарисовки. Магда чего только не пробовала делать, использовала разные методики, пилюли всякие, тренинги, однако полностью память не вернулась ни к одному из выживших.

Владимир Викторович недавно рассказывал такое: «У меня всего лишь одна картинка из детства осталась, и я догадываюсь, почему. Пошёл я как-то с друзьями зимой на городской каток. Помню, как пришёл туда, как вместе с корешами переоделся. А следующее, что осталось в памяти – я уже в школе, через четыре дня. Друзья рассказывали, что в меня на полной скорости врезался какой-то лихой конькобежец, взрослый дядька, снёс как пушинку. И упал я жёстко, прямо затылком на лёд. Полежал, пришёл в себя, после чего сел,

постонал, да и сообщил ребятам, что иду домой.

Мать с отцом рассказали, что пришёл я вполне нормальным, адекватным. Большая шишка на затылке, эка невидаль для мальчишки, и не очень сильная головная боль. Вроде как легко отделался… А четыре дня вырезало как ножом! Словно и не было их в моей жизни! Здесь, на Жестянке, с людьми происходит нечто подобное, только в ином масштабе – из памяти безвозвратно стираются не дни, а годы и не одна ситуация, а множество.

Последние же годы своей жизни не вспоминает почти никто, однако люди знают, что какое-то количество лет долгосрочной памяти у них необъяснимым образом сгорело. Остаются только фрагменты былого, странные, часто не связанные картинки. Клятую Чехию я хорошо помню, а Енисей-Батюшку, откуда родом – почти никак, один туманный вид на огромную студёную реку, даже не понимаю, с берега я смотрю или с корабля.

Интересно то, что память у прибывающих теряется очень фрагментарно, в основном личные воспоминания засланцев об их прежней жизни. Знания вообще, моторные навыки практически не страдают, сленг. Хотя с последним бывают проблемы. Знаю людей, которым слово «сталкер» было незнакомо в его игровом значении, хотя судя по возрасту, должны были играть. С другой стороны, кое-какие словечки, известные большинству, я подцепил уже здесь. Однако у всех остался словарный запас и знание литературы, полученные некогда знания и навыки.

Вот только с пробуждением последних могут возникнуть проблемы. Спросят тебя, например: «Знаком с ремонтом двигателей внутреннего сгорания?». В ответ лишь плечами пожмёшь… А потом окажешься случайно возле поднятого капота, и руки внезапно сами вспомнят, что нужно делать. Вот только состыковать эти навыки с конкретными воспоминаниями не получится. Где приобрёл, при каких обстоятельствах? То есть, как образно выразился Дед, «у нас стёрто резюме».

Ни карьеры своей никто не знает, ни конкретного места работы, ни специальностей. Я припоминаю, что какое-то время служил контрактником где-то за границей, где-то на юге, в жарких странах. Тут без подробностей, я их и сам не знаю. В каких войсках служил? Д а чёрт его знает, без понятия. Владимир Викторович утверждает, что здесь некогда стояли дивизион зенитных систем С-200. Даже не попробую оспорить это утверждение. Названия всякие слышал:

«Бук», «Тор», «Триумф», но я точно не зенитчик. А вот в «стрелковке», например, кое-что соображаю. И что мне это даёт?

Ни-че-го.

Есть ощущение, что какое-то время учился в региональном вузе или университете, причём на гуманитарке, прорывается нечто соответствующее в лексиконе, имеются странности словарного запаса…

Ладно, мне немного проще, контрактная служба в армии хоть что-то объясняет. А вот каково Ирке Кретовой, с какого бы пуркуа она такой профессиональный боец-рукопашник всем на зависть, а? Видели, небось, как женщины на истерике друг с другом дерутся? Даже если в симметричной схватке сталкиваются любительницы помахать руками, удары у них всё равно идут по другой траектории, чисто по-женски. Даже в профессиональном женском боксе это порой заметно. У Кретовой же удар совершенно мужской, крепкий кулак летит по оптимальной траектории, безупречная техника. Профи!

А личико при этом целое, заметьте, хрящи не сломаны, скулы не расшатаны, брови не биты, голова без шрамов и шишек. Стреляет отлично, тактику действия малых групп знает на пятёрку. И как же всё это объясняет она сама? Помнит, как училась на воспитателя детского сада, во как! Ирка-воспиталка, ёлки!

Если человеку с первых же часов не помогать, то он с катушек спрыгнет, бывали случаи сумасшествия.

Так что сталки-вольняшки нам сейчас совсем без надобности.

Поэтому лучше просто свалите, идиоты.

Идите, свою красненькую поймайте и на том успокойтесь.

Глава 3

Главная удача

Здесь далеко не самый лучший участок для работы спасателей. Это гадостное место у групп называется Пылевиком. Сухая серо-жёлтая пыль видна повсюду. Она летит из-под зубастых колёс внедорожника, надоедливо оседает на лобовом стекле и капоте машины. Она – на подошвах ботинок и камуфляже, лезет в лёгкие и в глаза, противно скрипит на зубах. Эта пыль везде, куда ни глянь.

Тонкая лента укатанной грунтовки в Пылевике не заканчивается, дорога тянется куда-то за горизонт, к высокой горной гряде, над тёмными распадками которой часто возникают удивительные миражи. Каждый визит к Пылевику оставляет о себе неизгладимое впечатление – тоскливое чувство безнадёжной утраты непонятно чего, ворошащееся где-то под сердцем холодным комком…

Напарница быстро обежала баррель, проверяя, насколько он устойчив, здесь песок вперемешку с кусками высохшей глины, обманчивая субстанция.

– Как?

– Нормально встал, начинай, Денис.

Положил руку на рукоять принудительного открывания люка – и пробило!

Даже лапу одёрнул.

– Ты чего, День? – тихо спросила Ирина, тоже вздрогнув.

Молчу.

– Денис, не зависай!

– Чую, бляха. Видит бог, чую, Ир… Там живые внутри, подруга, – яростным шепотом проскрипел я пересохшей глоткой. Быстро облизал губы, потому как разнервничался так, что сразу во рту пересохло. Потянулся за фляжкой, висящей на ремне – надо взять себя в руки.

Привыкнуть к такому невозможно. Это в настоящей цивилизации спасатель может притерпеться и очерстветь, но не здесь, не в общине, где каждый

выживший – воистину высшая ценность.

– Показалось, что корпус дрогнул…

– Дрогнул? О как! Ты это серьёзно? – прищурившись, несколько фальшиво усмехнулась напарница. Она тоже нервничает, надеется и верит в спасательскую удачу. – Как он вообще может дрогнуть?

– Не знаю, Ир, почувствовал. Рацию тащи из машины, сейчас тут всё закипит.

– Ох ты! Сглазишь…

Но мысли уже сами собой полезли в голову.

Мистика, казалось бы… И всё же, ведь я действительно что-то почувствовал! Особенное. Разумеется, многое из непонятного, порой прикасающегося к нам своими иррациональными сторонами, традиционно объясняется неправильной работой мозга. Так гораздо проще. Подобное с лёгкостью списывается на категории «показалось», «почудилось дураку с пьяных глаз» или идёт по ведомству «игры нашего воображения». Но не всё.

Это что, так ко мне оперативный опыт приходит?

Если так, то цена у него чудовищная.

– Открываю, – сухо предупредил я.

Процедура открывания люка любого из модулей предусматривает обязательный отход остальных бойцов на безопасное расстояние. Во избежание группового несчастного случая. Мало ли.

Подняв тугую красную гашетку-предохранитель, я с постоянным усилием, без пауз и рывков решительно потянул вниз из паза блестящий хромом длинный рычаг-рукоять. Хорошая вещица, у меня штук пять таких выломанных, всё не придумаю, куда бы их пристроить. Через образовавшуюся щель тяжёлым выхлопом рванулся наружу специфический неприятный запах, смесь едкой

химии и человеческих испражнений.

– Что-то тяжело идёт…

– Дальше тяни!

Хлоп! Чпок! Ну же, давай! Большой овальный люк с характерным звуком отлип от чёрного уплотнителя полностью и плавно откинулся в сторону. Согласно той же процедуре я тут же закрепил его на прочную защёлку-стопор.

И сразу сунулся в сумрак мрачного провала, опытно находя на ощупь место для постановки ног.

Включил фонарик. Четыре кресла-ложемента. И тела в них.

Я знал. Знал!

– Рацию, сука!!! – и дальше матом.

Ирка тоже полезла внутрь – я подтянулся на руках и вытащил ноги, чтобы не мешать. Это очень важно, чтобы в факте обнаружения живого сразу убедились все присутствующие спасатели. Нервное напряжение у группы колоссальное, не нужно себя сжигать неизвестностью. Она склонилась, затем перевесилась поглубже со своим фонарём, громко охнула, ещё громче выматерилась и, не стесняясь, заревела в голос.

Люди в баррелях почему-то всегда сидят в оранжевых, тактильно чуть скользких комбинезонах. То-оненьких таких. Материал… Что-то похожее на хороший прочный латекс. Эти костюмы легко ассоциируются с американскими тюремными робами, странный символизм. А под комбезами – обычная одежда, у всех разная, своя. В карманах личные вещи, обычная бытовуха. Вот как всё это понять?

Костюмы чаще всего уничтожаются. Они не используются для перешивки на другую одежду, изредка куски материала вырезаются по запросу медиков для изготовления клеёнок. Наверное, у нашего хитрого завхоза всё-таки имеется несколько штук целых комбезов в заначке – никогда не признается… Наверное,

это действительно весьма ценный материал. Высокотехнологичный, дорогой, такой ништяк мог бы использоваться во многих добрых делах. Однако эти костюмы сжигаются, баста.

Потому что они есть материальное воплощение нашей ненависти. Никто из обитателей Пятисотки не сможет взять их в руки. Я бы тоже не хотел. Да, пожалуй, это касается всей Жестянки… Каждый знает, что он – не профессиональный космонавт, не доброволец или военный на присяге, а обычный человек, изнасилованный этой гадской принудительной космонавтикой. Глядя на этот чёртов «латекс», каждый из нас опять начинает остро ненавидеть Неизвестных, запихавших простых людей в какой-то космический аппарат.

– Радиостанция где?!

– Не взяла! – рявкнула Кретова.

– Бего-ом! Прыжками, Ира!

Ирка камуфляжной молнией метнулась к внедорожнику, тут рядом, а я сразу начал вытаскивать людей наружу, укладывая их прямо на земле. Подсознательно всегда чувствуешь, что прибывших нужно как можно быстрей освободить от этого кошмара.

В спасательном деле чрезвычайно важны особые технологии: навыки и методы, специальные средства и умение ими пользоваться эффективно. Технологий много, и придуманы они давно. Не нами и даже не Дедом. Если мужика моих габаритов и веса положить на спину, то хрупкой девчонке из медсанчасти сложно будет перевернуть его на бок без знания специальных приёмов. Но это легко сделать, соблюдая строгую последовательность действий и используя в качестве рычага согнутое колено пациента… Вытаскивать недвижимое тело через край люка сложно и опасно, можно повредить спину, шею и суставы. Для извлечения тел мы используем специально изготовленную прочную доску, называемую «трапом». А вообще, главное вытащить из ложемента и переправить на грунт пассажира, находящегося ближе к люку, после этого дело пойдёт проще.

Пш-ш…

– «Вышка-Контроль» – внимание! Есть выжившие! – прокричала Ирина, включив громкую связь. – Есть, трое, в обмороке! Да, трое! Не вру! Да иди ты на хрен! Говорю же тебе, два парня и девочка, всем лет по пятнадцать! Дышат, говорю, ты глухой? Четвёртая, женщина лет пятидесяти, она мертва! Как понял, приём!

– Понял тебя, Ириша! Это правда, точно? – заорал Джон срывающимся голосом.

– Медицину подрывай, бестолочь, пусть готовятся!

– Принято!

– «Патруль», внимание, – это уже Дед, чётко, взвешенно.

– Слушаю, Владимир Викторович!

– Так. Ребята, вы там немного поспокойней… Ира, Денис, слушайте сюда. Нежно, повторяю, нежно грузите людей и отправляйте Кретову с ними на базу, к медикам! – с расстановкой инструктировал Дед. – Нежно, хорошо поняли? Там всякие проблемы могут быть. Теперь действуйте внимательно и без суеты. Рудин, прямо сейчас вскрывай «желтяк», понял меня? Прямо сейчас. Ты помнишь, где именно находится секция для крепления гравилёта и батарей?

– Так точно, – быстро ответил я, ничего не понимая.

И шеф это услышал.

– Если в контейнере есть батареи, отдай их Ирине, пусть их обязательно захватит и пулей в гарнизон. На остальное пока наплюй, просто карауль объект на месте, но осторожненько, не геройствуй. Я сейчас включусь в разговор со сталкерами, вас прикрою. Как понял, приём.

– Всё понял, приняли. Усиление бы…

– Вот и отлично. Будет тебе усиление, Ира. Здесь я сажаю в прибывший «уазик» молодых, и они мухой поедут к тебе, будут дочищать. Глайдер, как только

вставим свежую батарею, подойдёт следом. Всё, выполняйте! Конец связи.

На том Казанников и отключился. К этому времени я уже успел перетащить девчонку, пристраивая её на заднем сиденье.

Корпус барреля в нижней части имеет вид конуса и так сбалансирован, что приземляясь почти всегда ложится эвакуационным люком вверх. Еще раз внимательно проконтролировав обстановку от джипа до дальних кустов, за которыми прятались сталкеры, я полез на вторую бочку. Почти сразу со стороны Пятисотки грохнули два выстрела из «Тикки» – этот звук ни с чем не спутаешь. Ну, уже легче! Сейчас Дед сам всё подчистит.

Глайдеров в ресурснике не оказалось, а вот источники питания нашлись сразу. Маленькие светло-жёлтые параллелепипеды, похожие на два сложенных вместе куска хозяйственного мыла. Батареи очень тяжелые, пока заряд полный. Разряженные элементы питания намного легче.

Вот и отсек с бортовыми аптечками полон! Аптечки, иногда полупустые, есть в каждом барреле с людьми, в транспортных модулях – как повезет, но иногда попадаются, вот как сейчас, они висят в ящичке на стенке. Причём висят почему-то так, что с ложемента не дотянуться. Здесь встречается странная эргономика, какая-то неземная, что ли.

На этот раз нам достались старые добрые армейские АИ-2 в оранжевых пластиковых контейнерах, которые в своё время были запрещены и заменены на АИ-4 с таблетированным кеторолом в качестве обезболивающего средства. Так себе решение, то ли дело табуированный промедол в белых шприц-тюбиках из АИ-2. Вот это реально работает при ранениях, в том числе и тяжёлых, за это ЦУПу спасибо. АИ-2 – редкая удача, гораздо чаще встречаются «четвёрки». Рядом уложены индивидуальные перевязочные пакеты и упаковки гемостопа.

Открыл одну яркую коробочку, радостно убедившись, что аптечки АИ-2 не разукомплектованы, промедол на месте. Отжатые в пользу групп спасателей аптечки я позже отнесу медикам, пусть заменят содержавшиеся в них неактуальные таблетки на антишоковые наборы. Этим сокровищем мы честно делимся с медслужбой в пропорции один к четырём. А вот главные медицинские посылки, находящиеся в ресурсниках, Магда спасателям вскрывать не

разрешает.

Ирина обыскала умершую женщину, вытащив из карманов чёрных брюк какую-то мелочёвку и сняв с неё очки в роговой оправе. Их моя командирша бережно убрала за пазуху. Отдаст медикам, а уж те решат, кому теперь эти очки послужат. Сняла золотое кольцо и цепочку, драгоценности мы всегда забираем. Казанников старательно копит у себя стратегический золотой запас гарнизона, считая, что рано или поздно он нам пригодится. Ценятся и наручные часы, особенно механические.

Я сгрёб все шесть аккумуляторов, быстро распихал индпакеты по карманам, в зубах зажал аптечку – невероятное везение сегодня у Пятисотки! – и, не обращая внимания на остальное содержимое барреля, рванул к джипу. Ирина уже устраивала на сиденье одного из мальчишек.

– Как он? Цел? Сейчас принесу последнего, – пропыхтел я. – Ты же слышала команду главного?

Кретова нехотя кивнула.

– Ну, тогда и обсуждать больше нечего. Садись за руль, родная… Ты вот что сделай: две батареи припрячь-ка у меня в келье, хватит надеяться на разум дурачков, в группе свой запас должен быть. Техника в такой ответственный момент у нас должна быть вся и на ходу. И я об этом теперь сам позабочусь.

.– День! – крикнула она. – Подойди!

– Сейчас, – я захлопнул дверь переднего пассажирского сиденья, посмотрел на неподвижных пассажиров, ещё раз прикинул, как разместили спасенных и опустил второго пацана чуть пониже.

– Что?

Ирка неожиданно чмокнула меня в щёку.

– Осторожней давай, не геройствуй тут один, – прошептала она, повторив наказ Деда.

– Да нафига оно мне надо? Вали уж, шурши штанами пошустрей… Не растряси.

Джип медленно тронулся, неспешно заходя в вираж по колее, далее набрал скорость и помчался к базе, я же в который раз огляделся. Затем подошёл к пассажирскому баррелю и залез внутрь. Вот он, клапан… Подёргал рычажок принудительного открывания, выпуклая круглая крышечка чуть пошевелилась с лёгким скрежетом, и окончательно встала криво. Сволочи, халтурят на сборке, неисправные модули запускают, людей гробят.

Выбрался.

Не особенно тревожно на душе. Просто есть ощущение какой-то недоработки. Сталкеры сдуру пытались отстреливаться от Деда и тем выдавали свою позицию. Но не в глупых сталкерах дело, уже ясно, что серьёзного наскока не случится. Просто у меня выработалась полезная привычка: при случае всегда неплохо вальнуть чего-нибудь копытно-трофейного, желательно покрупнее, помясистее. Некому на местных косуль охотиться, мало людей на Жестянке. Свежее мясо лишним не бывает, а зверь крупней байбака здесь тоже непуганый, на Полигоне хищников немного, если не считать нас, спасателей. Повара за свежую тушу большое спасибо скажут, а мне обломятся мозговые кости, я их зажариваю на костерке во дворе. Колю на пне топором и рубаю с солью да чёрным хлебушком.

Делать нечего, придётся ждать: раз пошёл конфликт, то без прикрытия работу по сбору по сбору и эвакуации материальных ценностей, или лута, по-простому не начнешь. Присел на корточки, поворошил веткой кучу других палок, будто специально насыпанных здесь кучей. Не найдя ничего подозрительного, в очередной раз прислушался…

И вскоре уловил приглушённый сиплый кашель. Да, животные тоже кашляют, когда пыли глотнут, а её тут предостаточно. Дичи в саванне много, но разнообразием видов здешние степи похвастаться не могут. Правда, изредка встречаются такие животные, которых на Земле никто не видел. В этой ландшафтной локации животный мир менее разнообразен, чем в весьма небольших, но всё-таки лесах. На границе степи и лесных полос водятся шакалы и лисы, там больше копытных и птиц. На небольших лесных озерцах и болотцах вдоль редких озёр и речушек гнездятся утки. Встречаются средних размеров хищники из кошачьих.

Подумать только, и этот кустарник здесь называется лесом! Нормальный лес стоит по обоим берегам Дуромоя. Чуть дальше в степь он к концу лета уже по большей части высохший, зелени мало, веретьё сплошь, иногда пальник черный.

И опять кто-то кашлянул.

В один рывок я оказался возле грузового барреля – замер возле люка, карабин наизготовку. Осторожно, стараясь не шуметь, снял «колчак» с тугого предохранителя, на «мосинке» он далеко не самый удобный. Обойдя ресурсник по кругу, я услышал слабый шорох. Дичь рядом! Зверь прятался где-то слева – в низких кустиках возле протекающего неподалёку Дуромоя.

Стоп… Звук повторился! Не совсем удачно перепрыгнув через камень, я с шумом наступил на какой-то сучок. «Звук» всё понял и тут же ломанулся прочь.

– Ну, ё-моё…

Да не жадничай ты, Денис, стажёр молодой, что ли? На сегодняшний день удач более чем достаточно: трое выживших, шесть источников питания к глайдерам, куча полезного лута! Тем не менее, я выскочил на холмик, прикрываясь корпусом пустого барреля, и торопливо вскинул «колчак» к плечу. Никого. Кабарга, скорее всего, болтается где-то рядом, их здесь часто можно встретить.

Большего я сделать не успел, потому что джип уже возвращался.

Через пару минут советский военный внедорожник, взбив большое облако серо-жёлтой пыли, остановился возле голубого барреля, и на землю спрыгнули трое пацанов: Мустафа, Ян и Спика. Молодые ребята, никому из них ещё и двадцати не стукнуло. Стажёры-спасатели. Оружие держат так, словно собираются выжать из него масло, глаза цепкие, сами настроены на активную работу, сплошной адреналин. Самый призывной возраст, эти чертенята ещё ничего не боятся. Смотри-ка, аж трясёт их! Прямо волкодавчики…

– Командир, так мы что, пошли? – нетерпеливо пританцовывая на месте как молодой рысак спросил Мустафа, старший группы.

По установленному в Пятисотке порядку группа спасателей обычно состоит из двух человек. Третий молодец, Ян, и есть то самое «усиление».

Акцента у парней почти нет. Все акценты остались в прошлом, а мальчишки остались с нами, теперь они – русские. Совсем ещё салажата. Несколько лет памяти сминусовать в таком возрасте… Что они вообще успели запомнить про былую жизнь?

Схема проста: всем выжившим, которых Владимир Викторович самолично определяет как пригодных, предлагается влиться в славную общину Пятисотки. Те, кто соглашается без всяких демократий на предложенные условия и даёт установленную присягу, остаются жить и работать в общине. Но далеко не всех устраивает военный коммунизм Пятисотки и жесткие требования беспрекословной дисциплины. Таких увозят в посёлок. Дальнейшая судьба каждого чаще всего неопределима, нашим это уже не интересно.

Фермерских деревенек и промысловых хуторов, маленьких и совсем крошечных, на Жестянке хватает. Целевых поселений, имеющих важную миссию, подобную нашей, очень мало, наверное, по одному на национальный сектор.

– Осторожней давайте там, не геройствуйте особо, – я неосознанно повторил слова Деда и Ирки.

– Так точно! – раздувая ноздри, бросил чернобровый Мустафа, оглядываясь на свою группу.

Ему хочется именно погеройствовать. Всем хочется. Мешает им командир первой, основной группы, мешает… Пока что вторая группа работает на подхвате, ребята частенько занимаются совсем не героическими спасательскими делами. Они ведут разведку местности с попутной охотой, зачистку, прикрытие и охрану. Пашут на хозяйственных работах, от этого никто не отлынивает. Тренируются, ума-разума набираются. Ничего, мы с Иркой в своё время тоже полгода честно оттрубили в стажёрах.

– Прикрою. По следу не ходить.

– Командир…

– Выполнять, – махнул я рукой, пресекая разговоры. – Кто на рации?

Мустафа молча кивнул на невысокого худощавого Яна.

– Постоянно включена! При подходе к рубежу сто пятьдесят разворачивайтесь по кустам, цепь не сдваивать. И без фанатизма.

Нарезного оружия у сталкеров практически нет. Оно встречается у прибарахлившихся старожилов, но с этими мы не лаемся. У остальных шакалят на руках рядовой гладкоствол, даже полуавтоматы редки.

Снятая с поводка троица бросилась к цели бегом. Не, ну точно будущие волкодавы! Порвут!

Я забрался на грузовой баррель и оттуда для оценки панорамы в целом быстро осмотрел окрестности невооружённым глазом, затем взял бинокль и ещё раз проверил, как разворачивается в боевой порядок молодежь… Никто не шевелится в кустах. Мародёры, похоже, свалили, я очень на это надеюсь. Может, кого-нибудь из своих и на земле оставили по глупости. Поэтому и Викторович не стреляет, целей не видит.

Вдали показалась чёрная плита глайдера.

Фантастика! Вот это, я понимаю, техника будущего! Скорость перемещения гравилёта критически зависит от высоты. Сто километров в час – легко, если глайдер идёт предельно низко, именно такую скорость Кретовой однажды удалось развить на берегу, на длинном прямом участке поймы Дуромоя перед мостом. Теоретически на этой адской плите можно и под двести гнать, однако практиковать такой экстрим никто из спасателей не пробовал. В метре от земли максимальная скорость – шестьдесят, а на трёх метрах гравилёт уже еле ползёт, при подъёме на пять метров вообще не хочет лететь, стоит на месте. Пересечёнки для гравилёта не существует, оператору нужно лишь выставить нужную высоту полёта, максимум три метра над землёй. А вот над водой идти гравилёт категорически отказывается, автоматически становится на нейтраль и зависает. Мы как-то попробовали загнать его на реку. Пришлось вытягивать на берег канатом, хорошо хоть привязать сообразили…

Чаще всего мы летаем в метре от земли – чтобы не засвечиваться. Можно остановиться и приподняться для осмотра, а дальше опять двигаться низом. Управление примитивнейшее – секторный джойстик, откалиброванный уже нами с помощью джипа на двадцать, сорок и шестьдесят километров час.

Знай погоняй, глайдер автоматически обтекает складки местности, но резко не ныряет, предусмотрительно определяя, когда и с какой интенсивностью надо начинать подъём или спуск. Очень комфортно. Ноги можно свешивать с панели, хоть это и полная дурь. Машина каким-то образом понимает, какие кусты безопасны, а какой саксаул лучше перелететь верхом. Вообще не думаешь о наземных препятствиях, их для фантастической плиты просто не существует, записным джиперам это, пожалуй, не понравится. Болото? Да бога ради, если нет открытой воды. Озёра, которых тут очень мало? Извините, не можем.

По периметру глайдера в монолитной плите проделаны многочисленные отверстия с завальцованными краями, за которые можно крепить прочные кожаные ремни и тросы. Это позволяет закреплять груз.

Подлетев вплотную, Ирка плавно остановилась и опустила глайдер к земле.

– Мальчики вернулись?

– Нет ещё. Как там?

– Отлично, День, приняли их. Двое уже пришли в себя, все лежат в карантине. Шок, – коротко дополнила она.

Будет тут шок, никаких вариантов. Правда, своего шока после посадки я не помню, тоже вырезало.

Пш-ш…

– Группа вызывает спасателей.

Не переживайте, мальчики, заработаете вы ещё свои позывные.

– Слушаю тебя, Мустафа.

– Командир, мы это, возвращаемся, – возбуждённо сообщил парень по рации и с нескрываемой гордостью доложил: – Есть один трофейный ствол, одного сминусовали! Двое ушли на запад, один из них ранен, скорее всего.

– Твои сминусовали?

– Нет, Владимир Викторович.

– Всё?

– А что ещё?

– Принял, возвращайтесь.

Больше я ничего не стал ему говорить, пусть сами учатся. Инструктаж проходили? Проходили, и не один раз. А дело до конца не довели. Значит, обеспечим восстановление памяти другим путём.

Теперь я распахнул обе створки грузовика, открылся широкий проём. Внутри барреля оказалось много интересного. Вот синий инструментальный чемоданчик. Открыл – уйма мелкого инструмента, это я сразу Левше отвезу. Вдоль стен закреплены плоские сегментные контейнеры, выгнутые по профилю барреля, их мы в поле не вскрываем, все отвозим завхозу. Вечером, конечно, будет созвана комиссия по приёмке нового ништяка.

Всё ясно, одни мы не справимся, так что очень хорошо, что ребята рядом. Первым делом надо проверить наличие в барреле огнестрельного оружия – самый азарт, вечная нехватка! Для оружия на борту всегда есть определённая секция, расположена она на стене, напротив «глайдерной» ячейки. Оружие наличествовало! Есть характерная особенность каждой такой поставки. Полигон «Пятисотка» изначально был построен в СССР, затем он стал российским военным объектом, потому и оружие нам должно поставляться советское или же, по логике, российского производства. Российского, правда, никто ещё не видел.

– Ир, глянь, сможешь подлезть? – озабоченно спросил я, с трудом вытянув себя из немыслимой тесноты отсека.

Кретова без лишних слов залезла на баррель и без раздумий спрыгнула вниз. Девочка отнюдь не худенькая, но удивительным образом сложившись, она смогла моментально скрыться в отсеке с головой. Чёрт возьми, только женщина на такое способна, у них какая-то особенная, врождённая пластика, не определяемая комплекцией. Нам, мужикам, так не суметь.

– Празднуем, День! Держи винта!

Из проёма показался длинный брезентовый чехол. Схватил, вытащил, открыл. Какой характерный приклад… Узнавание произошло почти что мгновенно. СВД – самозарядная 7,62-мм снайперская винтовка Драгунова со штатным прицелом ПСО-1, не прелесть ли! Жаль немного, что не СВДС – модификация для воздушно-десантных войск со складным прикладом и укороченным стволом, пригодилась бы при нашей-то специфике… Но это уже не советская разработка.

– Следующий ствол держи! И не ори так.

Мама дорогая, да это же АКС-74У, «ксюха», «укорот», автомат Калашникова складной укороченный – миниатюрный вариант автомата АКС-74. Характерный специальный надульник-раструб, служащий расширительной камерой и пламегасителем, в два раза укороченный ствол. Эта модификация была разработана в конце 1970-х – начале 1980-х годов для вооружения экипажей боевых машин, авиатехники, расчётов орудий, а также десантников. По факту же автомат, благодаря своим небольшим размерам, чаще используется в МВД и охранных структурах. А мне компактная машинка позарез нужна, в нашей работе это самый удобный инструмент. Надоело с «колчаком» носиться.

Тэк-с… При таких раскладах два новых ствола в группе не удержать, Дед непременно один заберёт. Что взять себе?

«Ксюха» или «укорот» – первый в общине ствол под «пятёрку», то есть под патрон 5.45?39. По-моему, на складе накопилось уже цинков восемь с этими патронами, а стрелять не из чего. Теперь весь накопленный боезапас мой!

Конечно, автомат!

– Магазины есть?! – жадно прорычал я в полумрак.

– Всё есть. Один полный магаз на тридцать и два на сорок пять бонусом от ЦУПа. Эти пустые.

– От ручного пулемёта РПК! – всхлипнул я, умилившись.

– Слышишь, Рубин, вещмешки не подниму, зажаты. Там что-то тяжеленное, патроны россыпью, что ли?

– Да чёрт с ними, с вещмешками, я выдерну, не корячься. Я сам, говорю! Ир, ты пуп-то не рви! – обеспокоенно отреагировал я, – Успеем.

– Пистолеты прими, выдёргивальшик.

Определёно сегодняшний день войдёт в летопись Пятисотки, как особенный. День Большого Военного Ништяка: два пистолета Макарова, родные до боли ПМ! В штатных закрытых кобурах с ремешком, шомполом и одним запасным магазином, не густо, конечно… Да о чём я говорю, это же первые пистолеты в общине! Сразу два ПМ – воистину дар небес! Один пистолет мы так или иначе получим, заслужили, а судьбу второго ствола решит Дед, ему видней.

– Ира, может тебе стоит СКС на СВД махнуть? – неуверенно предложил я.

– Вот ещё! – фыркнула она в упавшую на лоб прядь волос. – С такой дурой мотаться? Нет уж, пусть Владимир Викторович на вышки распределит.

Мы с напарницей даже не успели перегнать глайдер к грузовому модулю, а мальчишки уже подбегали. Адская в них энергия скрыта.

Мустафа, на бегу показывающий нам издали трофейную ремингтоновскую помпу, почти сразу поник лицом, когда увидел СВД и АКС-74У… Зря ты так, пацан, ведь помповое ружьё тоже впервые появилось в общине, а это хороший итог для вашего первого самостоятельного рейда. Очень хороший.

– Что, с ружьём бегать лучше, чем рощу поливать или мудрить с починкой кровли? – с ехидцей поинтересовалась Ирина.

С трудом сдержавшись, группер молодых часто закивал, несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул и доложил об итогах.

– Труп быстро закопали? – спросил я как ни в чём не бывало.

У замерших в полной растерянности парней тут же округлились глаза. Что это вы, маленькие мои цыплятки, переглядываетесь, как торчки на ЕГЭ, косячка словили?

– Командир, так мы вам помочь торопились…

Кретова усмехнулась. Она с легкостью читала мысли подопечного, словно они высвечивались у него на лбу бегущей строкой.

– Что такое? Никак, Мустафа, вы шанцевый инструмент второпях взять забыли? – ехидно поинтересовалась Ирина и безжалостно выложила на капоте две кобуры в аккуратный рядок. – А в джипе две лопаты лежат. Не видели, да?

Видели. Не подумали, не включились, интерес к обретённому луту победил здравый смысл. Нормально, так к спасателям опыт и приходит.

Спросят про пистолеты, нет? Группа молчала, осознали.

На Пятисотке существуют непреложные правила. Традиции. Именно они и помогают людям не сходить с ума, позволяют понимать своё место в обществе, это наши корни. Традиции не обсуждаются, они были, есть и будут.

Традиций много, как и странных смыслов. Но даже я не понимаю некоторые.

Мы хороним всех.

– Ирина, красный парашют опускается! – неожиданно крикнул Спика, прижимая ребро ладони ко лбу.

– Где? – хором закричали его дружки.

Все уставились по указанному направлению, и лишь я гордо вытащил единственный бинокль. А что толку? Изношенный прибор не держал изображение. Говорю же, новый нужно добывать! Ирка сдалась и вскинула СКС, глядя в оптический прицел.

– Не могу поймать, падла, – ругнулся я.

– Да вот же! Красная точка! – Спика ещё раз показал рукой. Богата юность на здоровье. Мне оставалось лишь констатировать:

– Ну у тебя и зрение…

– Километра четыре, – предположил Мустафа.

– Ближе к пяти, – поправил его самый зоркий наблюдатель.

– Ирина, может мы того? Метнёмся? – с азартом в голосе спросил Мустафа. – Бочка упадёт недалеко от дороги, на машине обернёмся быстро. Ништяк лишним не бывает! – добавил он с напускной взрослостью.

– Я вам ща метнусь! – осадила порыв юнцов группер, погрозив молодёжи кулаком. – Отставить поисковый энтузиазм, вы сперва тело похороните! Прямо львы пустыни, гляди-ка! Там уже дюжина сталкеров-северян внизу приплясывает с открытыми пастями. Или, что ещё хуже, тупые вольняшки пасутся. А эти на вас злые, как собаки. Потом ваши головы без ушей подбросят под периметр. Считайте, что это их законная добыча. И вообще уясните, жадность – опасное чувство. Работаем дальше, нам ещё несколько рейсов придётся сделать, до вечера дел хватит.

Глава 4

Ресурс, лут, ништяк

Тела людей положено предавать земле, вне зависимости от их религиозной принадлежности и качества поступков при жизни.

Никто не должен остаться лежать на поверхности Жестянки. Чистое мародёрство, общественно всегда отделяемое от справедливого сбора трофеев правилом «с бою взято, значит свято», строжайше запрещено. Тела нельзя раздевать догола, одежда, за исключением верхней, больше не используется. До недавнего времени нельзя было брать даже обувь. Вот тут я уже без понимания, если честно – обувь вещь очень ценная, а образ жизни людей на Жестянке, мягко скажем, не совсем нормален в плане нравственности и морали. Давно можно было сделать послабление, но Владимир Викторович дал разрешение лишь два месяца назад. Что ж, всё в этом мире неизбежно меняется.

Хорошо помню, что было, когда я при нём впервые заикнулся на эту тему. Разве что в лоб не вставили. И вот, дожали мы Деда.

– Взять лопаты! – распорядился комгруппы.

– Мустафа… Тут такое дело, мой «колчак» как бы лишним оказался, возьмёшь пока на хранение?

Как он отреагирует?

Мустафа быстро переглянулся со Спикой… Ай, молодец! Добрый из него получится командир группы. Себе не заберёт, невысокий крепыш Спика стреляет очень хорошо, лучше их всех. Ясно, что в силу возраста никакой углублённой подготовки у него быть не может, просто божий дар. Хотя, может, он и занимался с отцом или старшим братом. Перспективный парень. Умный, наблюдательный, резкий когда надо, порой дерзкий. Прирождённый разведчик, надо бы с ним поработать.

– СВД точно на вышки уйдёт, – сказала Ирина. – С другой стороны, освободится мосинка Игорёни. Она, конечно, порядком изношена, но всё же.

– До двухсот метров работать можно достаточно уверенно, – подхватил я мысль своего командира.

– В любом случае, два «шершавых» в группе – это уже нормальное подразделение, – подытожила Кретова. – С этим к Деду и пойду.

– Что такое «шершавое»? – не понял Ян.

– Нарезное оружие, – со знанием дела ответил ему Спика. – Есть гладкие стволы, ну, гладкоствольные, а есть шершавые.

– Ёлки, не сообразил, – устыдился Ян.

– Пистолеты… Владимир Викторович, конечно, сам решит, кому именно отдать, – я повернулся к Мустафе. – Так, подожди! Чего я тебя гружу, сейчас «колчак» тебе только мешать будет, так ведь? Пусть здесь полежит, пока копаете.

– Не будет, – нервно облизнул губы Мустафа.

– Точно? Тогда держи. И обоймы вот. Давайте скоренько, ещё и здесь женщину захоронить надо. А дел по горло, коробочка-то полным-полна.

– Оставить одного с вами? – спросил Мустафа.

– Не стоит, втроём вообще быстро управитесь. Мы пока сами поковыряемся.

Мустафа ещё больше потемнел лицом, у Спики от обиды задрожали губы. Не пускают к разбору ништяка! Кротова сухо кашлянула и искоса глянула на меня, мол, ну ты и нервоплёт, сволочь такая! А что делать, дорогая? Кто-то же должен их воспитывать. Ещё дети, хотя инфантами я их никогда не назову, на Жестянке дети взрослеют быстро.

– Жмите! Тут ещё плиту выдирать надо, прежде чем основной груз вытаскивать… Так что успеете натаскаться, не волнуйтесь, всё увидите. Мужики, честно, давайте-ка побыстрей! – уже грубей попросил я, подходя к ресурснику вплотную. Троица тащилась следом. – А с Дедом говорить будем.

Услышав «мужики» и обещание поговорить насчёт оружия с главой посёлка, группа встрепенулась, плечи огольцов расправились. Лопаты взлетели на плечо, и началась очередная бодрая трёхсотметровка. Бег порой лучше всего

тренирует мозги. Сменяясь, они сделают дело и прибегут уже через полчаса.

Кресла баррелей тоже не используются в быту, только как источник поделочного материала. Ну, вы уже знаете, это тоже традиция, поводов для дальнейших объяснений не вижу.

А вот под креслами лежит классная плита из прочной микарты полуторасантиметровой толщины, здоровенная, массивная, что-то типа основы. Отличный материал для производства мебели, поэтому такая плита подлежит непременному снятию и доставке на склады интендантской службы. Зажилить её не получится, интендант всё знает и разорётся, как резаный. Собственно, кроме этих плит, куполов и красных баррелей мы с Иркой в последнее время ничего толкового в периметр и не привозили. Когда было время и силы, выдирали рычаги. Там возни…

Ничего, прибегут парни и выгрызут эту плиту махом, просто ещё одна тренировка.

– Говорить действительно надо, – задумчиво произнесла Кретова, медленно пережёвывая сухую травинку.

Я вздохнул.

– Ещё как.

– День, если он оставит им нарезняк и хотя бы пару гладкостволов…

Она права. Будет ещё одна полноценная группа, ещё один спасательный патруль.

– Владимир Викторович мудрый, должен понимать.

Не возразишь.

– Полезли наверх, – решил я.

Вытаскивать присланное мешала Главная Добыча.

Нет, это был не квадроцикл. Скорее всего, снизу на нас смотрел мини-трактор. На борту белела надпись – Husqvarna. В нашем хозяйстве маленький трактор – вещь незаменимая, аграрии будут просто в восторге. Но сейчас незаменимая вещь есть препона в чистом виде, пока эту дуру не вытащишь, остального и не увидишь. А просто так её не вытащишь, придётся повозиться.

– Гравилёт вытянет, – успокоила меня Ирка. – Главное не поцарапать красавчика, надо поднимать осторожно. Сейчас подгоню, примеримся.

Глайдер чужого веса не чувствует, тянет, как зверь. Сразу за двумя передними сиденьями плита ровная, гладкая, вся в решётке чёрных привязных ремней. Говоря про «поцарапать», подруга имеет в виду не глайдер, а трактор. Гравилёт хрен чем поцарапаешь, вряд ли кто-либо из прибывших не пробовал из научного интереса поковырять поверхность гравилёта ножиком. Он не кренится, хоть тонну поставь на корму. Предельная грузоподъёмность неизвестна, но пока что сбоев не было.

А вот трактор будет жалко.

Через сорок минут мы с Мустафой уже пытались обвязать трактор стропой. Не получилось, Мустафа пошёл за Яном, самым худым и гибким из присутствующих. Наконец, получилось!

Ирина положила руку на пульт и медленно подняла гравилёт над баррелем в режиме зависания – сюрреалистическое зрелище, а мы со Спикой с двух сторон придерживали новую технику руками. Ах ты, красавец синенький! Дизелёк или бензинка?

– Спрыгивайте, что вылупились?! Ставлю, придерживайте там! – громко крикнула Кретова.

Вздохнув пружинами, трактор впервые встал на землю Жестянки.

– Есть контакт! Перекур, братва, – объявил я. Надо знать меру в сволочизме. Представляете, насколько великое дело шмона ресурсника интересно мальчишкам?

Вскоре мы уже впятером тянули и укладывали на землю добытое. Лута было много, и всё нужное, а кое-что и уникальное.

Два больших жёстких контейнера с красными крестами.

Надувная лодка из ПВХ с транцем и маленьким подвесным «двухтактником», это вообще нереальный цимес! «Надувнуха» лежит на складе, рыбакам она не нужна, у них свои лодки. А вообще, о дальних плаваниях по реке у нас задумываются даже дети. Не так давно мальчишки из посёлка пытались своими руками сделать если не полноценную лодку, то хотя бы что-то типа плота, на котором они хотели отправиться в кругосветное путешествие. Ничего толкового у них не получилось, если не считать воспитательных воздействий со стороны родителей и педагогов.

Лодочный мотор это очень хорошо, это меняет дело, ёлки-палки, можно будет капитально разведать Дуромой!

Два цинка с патронами для СВД, один с пистолетными. Кстати, оружие и патроны – основной интерес вольных сталкеров. Патроны в стандартных цинках есть в каждом грузовом барреле, даже если внутри нет стволов. А вот какой будет калибр, никогда не угадаешь.

Ещё один контейнер жёлтого цвета.

– Стоп! Этот бокс не трогать! Одежда внутри, не открывайте пока, там же всё стерильное, без пылиночки, – пояснила Ирина специально для стоявших рядом и пыхтевших в нетерпении пацанов.

Десяток двадцатилитровых канистр с бензином. Моторное масло.

Три небольших синих ящика. Таких мы с подругой и сами не видели.

– Вскрыть можно, День? – спросил Ян.

– Валяй. Медленно.

– Здесь инструменты и какие-то запчасти лежат! – через минуту доложил радостный Мустафа. – Может, грузить пора?

Я молча посмотрел на небо. Спасибо тебе, небо, что не забываешь о нас, грешниках смертных, не даешь пропасть в каменном веке.

Всё закончено.

Спика с высоты грузовика с открытым ртом пялился вниз. Заметив мой взгляд, парень спохватился и вскинул бинокль, с показной старательностью осматривая подходы. Жаль, оптики группе опять не досталось. Если не считать штатный прицел для СВД, что само по себе уже замечательно.

Кто там с утра говорил, что день не задался? Ещё как задался.

– А давайте сначала всё рядком сложим! – предложила Кретова. – Красиво будет, опрятно… Интересно ведь посмотреть на добычу в комплекте.

– И сфотать трофеи! – дополнил Спика.

Всё улыбнулись одновременно.

Что-то я заболтался. Хотел ещё кое-что важное сообщить, да дел навалом, сами видите.

Давайте в другой раз, а?

В Пятисотку вернулся на автомобиле, попросив парней подкинуть меня к логову Левши. Камиль был один, ученики уже отправились на другие уроки. На Пятисотке детям преподают математику, русский с литературой, основы медицины, рисование и дисциплину «Окружающий мир» – диковинную смесь весьма странной географии с не менее странной историей. Кроме того, все спецы общины обязаны проводить лекции по своей специальности. Кто-то по физике прочтёт, кто-то по химии, штатных преподавателей по этим предметам в гарнизоне пока что нет.

Уставший Левашов сидел на корточках возле полуразобранного мопеда «Рига-16», над восстановлением которого он работал уже полгода. И конца этому не видно. Раз за разом мастер разбирает уже починенную технику. Говорит, что доводит до ума. Возня с этим агрегатом стала для Камиля идефикс: хочет обрести личное средство передвижения, которое позволит ему решить проблему собственной мобильности, но не хочет заканчивать приятное занятие.

Левша тщательно вытер руки ветошью, с ухмылкой наблюдая за попытками собеседника поудобней устроиться на слишком маленьком для моих габаритов стульчике и только после этого протянул ладонь для приветствия.

– Когда уже вместе поедем к баррелям?

– Скоро, скоро… Что ты мучаешься со своей ногой, сел бы на лавку. Как прошла очередная ловля, товарищ заслуженный спасатель? – заговорил мастер, с интересом глядя на большой синий кейс с инструментом.

– Это тебе, по профилю, – не стал я тянуть резину, положив ценный подгон на столешницу весьма заслуженного вида. – Отлично ловля прошла, лучше всех. Рекорд у нас, представляешь, трое выживших. И лута навалом.

– Да иди ты! Трое живых! – искренне восхитился мастер. – Такой удачный день можно объявлять национальным праздником. Ну, если не национальным, так общинным.

– Точно. Мы весь ништяк… Почти весь, сдали завхозу с кладовщиком, так что где-то через час начнётся комиссия по распределению, смотри, не пропусти, если тебе что-то нужно. Батарейками разжились, к слову.

– Спасибо, пойду обязательно, – энергично кивнул он, взглянув на наручные часы. – Сам-то там будешь?

– Меня на такие мероприятия не зовут, – усмехнулся я криво, – не мой уровень. Идут начальники служб и командиры групп. Да и ругани там будет часа на три, не меньше. Мне на склады, пойду свой боеприпас изымать.

– Ну да, ну да…

– Мы там два «макаровых» забрали. Один хотим оставить на группу. А второй и ты мог бы отжать. Давно положено по статусу.

– Не нужен мне «макаров», лишнее это, – устало отмахнулся мастер. – Я тут, как раб на галерах, фактически прикован к зоне перемещения радиусом в сотню метров. Вот починю свой драндулет, тогда тебя и попрошу найти что-нибудь подходящее. Поможешь?

– Обязательно, – пообещал я твёрдо.

– Во-от… Пока мне и этого хватит, – он показал на висящий в качестве украшения дульнозарядный колесцовый пистолет. Вполне рабочий, между прочим. Интересно, кто, где и при каких обстоятельствах его нашёл?

Удивительный человек, порох может изготовить. Попав сюда, он первым делом сделал примитивную картечницу. Она до сих пор стоит на второй вышке.

Пш-ш…

Мой командир словно подслушала разговор на расстоянии.

– Денис, тут чудильник с дележом скоро начнётся. Какие-то пожелания будут? Ты меня слышишь?

– Слышу-слышу. Ир, ты и сама всё знаешь, нечего добавить. Хотя… Принеси мне гостинчик какой-нибудь.

– Чего-о? – прохрипела рация. – Какой ещё гостинчик?

– Цветочек аленький!

– Да иди ты в задницу, Денис, с цветочком в ней! Как дитё малое, честное слово! – разозлилась Кретова.

На том связь и оборвалась.

– Видишь, какая у меня начальница? Вздохнуть не даёт, в ежовых рукавицах держит, всё контролирует… Я, правда, вот этот ящик для тебя уже из кучи выдернул, глянь, – мои пальцы глухо простучали короткую дробь по крепкому пластику.

Камиль поднял тугие защёлки, медленно открыл ребристую крышку и искренне восхитился:

– Не, ну это реально крепкий подгон! Сколько измерительного инструмента! Спасибо, друг. Смотрю, ты и сам кое-чем разжился, – кивнул он в сторону зажатого в моей руке «укорота».

– Ага. Доволен, как слон.

– Слушай, он тебе прямо сейчас не нужен? Оставь мне, посмотрю, проверю, приглажу при необходимости.

– Да нет вопросов, – пожал я плечами, несколько неохотно укладывая автомат на доски. Понимаю, что процедура полезная, да только из рук выпускать не хочется.

Левша тут же откинул крышку, шарнирно закреплённую на ствольной коробке, несколькими уверенными движениями произвёл неполную разборку, причём все детали легли на заботливо разложенную чистую подстилку.

– Эх, был у меня в войсках такой красавец! А в каких именно, не помню, хоть убей. Год пытался вспомнить, потом плюнул.

– У меня такая же история, – буркнул я понимающе.

– Наверное, что-то связанное с техникой, – он вытащил из магазина один патрон и проверил пулей износ ствола у дульного среза, затем посмотрел дуло на свет.

– Да уж ясно, что ты не в клубе сидел.

– Это точно, – тихо откликнулся он. – Тэк-с, что тут у нас имеется… Кучность автоматической стрельбы низковата, соответственно, прицельная дальность

поменьше. Охотно греется, ты это учти, чтобы без очередей в полный магазин. Отсутствует замедлитель темпа стрельбы, длину хода нарезов уменьшили с двухсот до ста шестидесяти миллиметров, это для лучшей стабилизации пули в полете при коротком стволе… Как всегда, есть достоинства, есть и недостатки. Новенький, кстати, по виду – так прямо с конвейера. В целом, очень надёжная неприхотливая машинка.

– И вёрткая, – добавил я.

– Можно провести лёгкую модернизацию, – неожиданно предложил он, – я бы заменил стандартный пламегаситель на ДТК, полноценный дульный тормоз-компенсатор. Точнее будет бить, комфортней. Тебе решать.

У меня, слава богу, хватило жизненной опытности, чтобы не брякнуть по глупости что-нибудь вроде «А ты знаешь, как его сделать, сумеешь?». Если уж Левша заявился на задачу, то можно не сомневаться, что он уже всё отлично представляет в теории и на практике, полностью уверен как в своих возможностях, так и в конечном результате.

– Тут ещё такое дело, Камиль…

Мастер вскинул глаза.

– В комплекте пришёл один штатный магазин, и ещё два от ручного пулемёта РПК, на сорок пять патронов, – начал я, нагибаясь, и доставая из рюкзачка два удлиненных магазина. – Мне бы подсумок под них, чтобы прочный. Сам сделать могу, но халтурно.

Вообще-то, это уже наглость. Нагрузка у мастера огромная: две очереди, включая льготную, да экстренные заказы по запискам Казанникова. Но мы с Камилем всё-таки соседи, отношения у нас дружеские и уважительные, и я никогда не забываю прихватить для него какой-нибудь ценный ништяк. При этом о помощи прошу очень редко.

– Нет проблем, – тут же отреагировал Левша. – Сам займусь изготовлением ДТК, а подсумок поручу Никите.

– Никите? Это кто? – настороженно спросил я.

– Самый толковый из моих учеников, – пояснил Левашов, задумчиво глядя в сторону одного из ангаров, где располагалась классная комната и учительская – крошечный блок поселковой школы. – Толковых пацанов двое. Но Никита действительно талантлив, парню богом дано из дерьма конфетки собирать, на Земле такому был бы прямой путь в Бауманку. После выпуска планирую оставить его у себя в напарниках. Сам понимаешь, работы всё больше.

Левашов говорил с какой-то особой ностальгией, и мне невольно подумалось: а не учился ли он сам в знаменитой Бауманке? Может, даже преподавал.

– А-а… Это хорошо, будет ещё один мастер.

– Не сомневаюсь.

Это нормальная практика, свой любимый ученик есть в звене плотников, например, как и у рыбаков имеется толковый стажёр. Мы с Ириной сами подбираем новых спасателей. Перспективных девчат разбирают медики, пищеблок и аграрии.

– Тебе какой? Если из кордуры, то сделаем быстро. Прошьём, где надо, проклепаем. А вот если желаешь из дублёной кожи, то придётся ждать. Нет подходящего материала. Вы же с охоты только самок-косуль притаскиваете, а у них кожа слишком нежная. Быки где, товарищ Рубин?

– Дык… Быки… Видел бы ты этих быков. У самочек-то мясо понежней, таков заказ пищеблока, они и дроф требуют помоложе, – улыбнулся я. – Но и твоё пожелание будет учтено.

– Так из чего?

– Из кордуры вполне пойдёт, – махнул я рукой.

Камиль немного отодвинулся от стола к стене из жердей и подтянул к себе висящий на гвозде кисет с табаком. Я поспешил вытащить свою пачку сигарет и протянул её мастеру. Он вытащил одну и, чуть помяв её своими узловатыми

пальцами, не спеша понюхал и осторожно, чтобы не сломать, вернул на место.

– Нет, самосад лучше.

Выпустив дым из трубки в щель между жердями, он долго смотрел сквозь неё на внутреннюю территорию Пятисотки и, не дожидаясь моих пожеланий, заговорил:

– Сделаем с универсальным подвесом, чтобы и на поясной ремень можно было посадить, и на разгрузке пристроить при необходимости… – он взял короткую паузу, что-то прикидывая в уме, после чего добавил: – Нет, клипса, пожалуй, будет лишней.

– Какая клипса?

– Специальный подпружиненный зажим, металлический или пластиковый, скрепляющий два автоматных магазина без переворота одного вниз патронами. Вместо традиционной синей изоленты. Думаю, для удлиненных магазинов такая спарка окажется громоздкой и тяжеловатой. Впрочем, когда-нибудь можно и опробовать, но это не скоро, извини.

– Да и без клипсы будет зашибись, – горячо уверил я мастера. – И так нагрузил тебя нежданчиками. Никита, говоришь? Помнится, был у тебя ещё один толковый ученик, да сбежал в Передел.

– Есть в моём архиве такой педагогический прокол, не углядел, – с неудовольствием вспомнил Левша. – Но тот пацапёнок шибко бизнесом болел, всё мечтал о своём деле, о чувстве хозяина. Нет, думаю, Никита не сбежит.

– Ну, дай-то бог, – пожелал я удачи мастеру.

– Он парень творческий, азартный, жадный до изобретательства, из бессребреников, – заключил он уверенно.

Такими кадрами надо дорожить. Особенно молодыми.

Пятисотка предлагает остаться в общине далеко не всем выжившим. Здесь нужны люди, безоговорочно принимающие правила нашего военного коммунизма, деятельные, инициативные, в то же время неконфликтные.

Отбор идёт тщательный. И только избранным делается предложение. И как же бывает обидно, когда казалось бы внимательно отобранные и подготовленные новички предпочитают уйти в вольницу Передела с его рыночными обычаями, свободой от ответственности за других и возможностью жить только для себя. Там есть товарно-денежные отношения, зачатки демократии и право выбора образа жизни. Хочешь – бичуй, хочешь – надрывайся хоть на дюжине бизнес-планов. Вот только настоящих богачей что-то не видно.

Мне редко удаётся спокойно и вдумчиво поговорить по душам с Владимиром Викторовичем, нашим главным мудрецом. Но иногда получается. Вот что он как-то сказал по этому поводу:

– Военный коммунизм не всем подходит. Многие так думают: отдохнул от пуза, побездельничал, как хотел, и работай, вкалывай. Желательно без командиров над душой. Копи средства для следующего безделья. Спустил – опять работай. Ну да, у нас тут накоплений не видать… А они точно нужны? Может, нужно накапливать не деньги в кладовых, а детей, верных друзей и благодарности за честно выполненный долг? Может, это важней, ценней? Жизнь вообще быстро проходит, в последний час каждый сам себе итоговый счет выведет. А ему это подтвердят склонившиеся в слезах родные и близкие. Если они у него будут, конечно… Вот только спорить об этом бесполезно, в мире всегда будут желающие вырваться вперёд. В Переделкино сейчас таковых более чем, замаешься локтями толкаться. Есть там и те, кто упираться не хочет, всех к чертям посылает. Зарабатывать не хотят? Нет же! Этот вечно поддатый бывший талант посылает заказчиков потому, что дружки в пятницу важней денег. Это даже правильно в философском смысле. Но кто счастливее, как проверить? Масса нюансов, масса деталей… В Переделкино почти все хотят иметь жилье в собственности, некоторые из-за этого уезжают строить хутора в степи, лишь бы иметь свою крышу, не делить её. А госжилья в посёлке нет даже для чиновников, как и служебных квартир, тут тебе не наши порядки. На хутора? Зачем эти хаты на отшибе нужны, сам не знаю. Живи и бойся, никто на помощь не придёт. Но память-то работает: «Имей маленькое, но личное! Снимать жильё моя семья никогда не будет!». И так думают очень многие, практически все – само новое место провоцирует. Как же, новые возможности, перспективы…

Лично я довольно спокоен в отношении избравших рыночное счастье и вольную вольницу. Почти не цепляет, не мешает и не раздражает. По барабану. Живут себе люди и живут. У меня даже приятели в Переделе имеются. Хотя всегда очень жалко терять хороших кандидатов в спасатели или просто талантливых новичков, много пользы они могли бы принести Пятисотке.

В общем, разница при подходе к очередному перекрестку судьбы колоссальна. Потому тем, кто живет на Пятисотке, не стоит обличать уехавших – у них так сладилось. Они уже другие, по-иному живут, и это честный выбор, достойный уважения. Тем же, кто уехал – упаси вас бог хаять и обличать оставшихся. А вот что реально надо делать – так это без ругани поддерживать нормальные отношения, не терять связь. Ибо кто знает, насколько единство русских по всей Жестянке пригодится, когда мы обнаружим Задание…

Мне верится, что Инструкция, Главное Задание рано поздно прибудет на Жестянку или найдётся здесь. На бумаге, в записи, в устном пересказе от Гонца… И тогда все мы поймём, какого чёрта здесь делаем, и что вообще происходит.

– Камиль, а ты веришь в Гонца? – просил я.

Он еле заметно вздрогнул и выпрямился, оторвавшись от выбивания трубки.

– Как тебе сказать, Денис… Сам не знаю. Скорее, верю. Плохо только, что это лишь вера, а не точное знание. А что, у тебя есть какие-то подозрения относительно поступивших в санчасть?

– Откуда? Я их, обморочных, толком и разглядеть не успел, торопились Магде живыми доставить. Просто хочется. Хочется, чтобы Инструкция всё-таки существовала. Не может всё это, – я обвёл рукой вкруг, – быть процессом ради процесса. Должна же быть какая-то цель! Или даже Цель с большой буквы.

– Цель, говоришь? А какая? За что, спрашивается, деньги заплачены и многие души в баррелях погублены на какой-то там жестяной планете, если это планета, конечно… Не геологоразведки же ради. Романтичен ты излишне, Рубин, в чудеса веришь. Знаешь, а как по мне, так лучше бы нам эту Инструкцию вообще не получать, – неожиданно для меня негромко произнёс мастер.

– В смысле?

– Удивлён? Боюсь, что мы совсем не обрадуемся, прочитав этот документ или выслушав Гонца.

Чёрт, я много раз ввязывался в горячие споры по этой сложной теме, коллективно пытаясь выяснить главное: где мы, кто и зачем. Однако столь странное суждение услышал впервые. Есть повод немало удивиться. Левашов разговор не продолжил, а я задумался.

Далее отвлекать мастера было нельзя, пора отправляться по своим делам. Надо забрать цинки на складе и заменить в глайдерах разряженные батареи на новые. Как-то так вышло, что эта ответственная процедура поручена мне. И не в силу повышенной рукастости и технической смекалки. Просто именно у меня батарея сразу встаёт в соответствующее гнездо, неизвестно как прилепляясь к поверхности, а глайдер мгновенно её опознаёт, «схватывает». Все остальные начинают тыкать раз за разом, ругаясь и ёрзая. А у меня от такого зрелища родимчик случается. Всем запретил туда лезть. Любят меня глайдеры отчего-то.

Все мои планы и благие намерения нарушили резкие сигналы гарнизонной сирены системы оповещения. Две серии из трёх коротких. Я невольно вздрогнул. Кто сказал, что у нас нет своего гидрометеоцентра? Вот он, проявляет заботу. Непрерывный рёв на максимальной громкости – вооружённое нападение на Пятисотку, это самый тревожный и, слава богу, самый редкий вариант. Долгая серия из коротких – возгорание, пожар.

Но сейчас часовые на вышках предупреждали население посёлка о грядущем ударе природной стихии. А что за напасть у нас является наиболее вероятной?

Я быстро выскочил из-под навеса. Вот оно, небесное чудище! С запада на Пятисотку зловеще надвигалась огромная чёрная туча грозового фронта. Плотная и высокая масса сконцентрированного пара. Могло показаться, что эта исполинских размеров мрачная субстанция имеет чёткие, словно вылепленные вручную границы, однако всполохи частых молний призрачным синим цветом высвечивали причудливые волнистые линии составляющих её облаков. Сейчас прилетят громовые раскаты!

– Ага, небесная душевая пожаловала! – громко обрадовался я. – Твою душу, дождь будет!

– Про ванну вспомнил? Кому что. Аграрии твой восторг не разделят, если будет град, – нахмурился мастер.

– Да брось. Град у нас редко бывает, зато такой ливень всю землю прольёт, – возразил я. – Ладно, мастер, побежал.

– Убавил бы ты прыти, Денис. Осторожней будь, твоя хитрая система желобов с ванной – отличный громоотвод, между прочим, – задумчиво сказал Левша, осторожно выглядывая из-под навеса. – Хороший ливень идёт, надо бы кое-что прибрать…

– Громоотвод? – несколько опешил я. – Как-то не задумывался…

– А ты задумайся. И в ванну свою не лезь, пока не минует, а то вскипишь прямо в ней, не ровён час. И оставишь меня без соседа.

Наконец-то в высоте загромыхало, раскаты шли непрерывно, волнами.

– Учту! – крикнул я, смазывая пятки, хоть и не совсем понимая, что именно нужно учесть и какие меры безопасности принять.

Да пошло оно! Дармовая вода с неба, да в таком количестве! Мне очень хотелось помыться. Песок лип к мокрой футболке. Я метнулся к башне, краем глаза успев увидеть других бегущих людей. Каждый спешил к своему хозяйству – кто накрыть, кто ёмкость подставить.

По высохшей поверхности захлопали первые тяжёлые капли. Минута, и начался летний дождь. Еще четыре недели – и таких ливней, буйных, но редких, уже не будет. На пару условно зимних месяцев их сменят затяжные, мелкие и холодные дождички-раздражители. Каждый год повторяется одно и то же.

Гроза эта быстро уйдёт на восток, такой фронт всегда слишком быстро перемещается. Так, надо шустренько обмыть ванну первыми же струями, а потом отойти подальше, от греха. Ёлки, напугал меня Камиль! Два раза

озадачил. Полезно общаться с умными людьми.

Вскоре я наблюдал за стихией из безопасного места. Вот длинная ломаная молния ударила в рощу почти рядом с периметром, и тут же вторая шарахнула рядом. Два дерева натурально взорвались и загорелись, я не ожидал, что от удара молнии может возникнуть ощутимая ударная волна! Ощущения были просто непередаваемые. Звук – как взрыв артиллерийского снаряда, только внушительнее, плотнее и резче.

Ух!

Адская вспышка – это нечто! Рассмотреть её удалось в деталях – глаза успел закрыть, но нестерпимо яркий всполох как будто отпечатался через опущенные веки. Закрыв глаза, я видел его еще с минуту.

Внутренний трепет перед неодолимой мощью природы не передать словами.

Рядом в облаках внушительно бабахнуло, полыхнуло и снова бабахнуло. И тут внезапно начался такой ливень, что было уже не до размышлений и наблюдений – полило как из ведра! Быстро скинул одежду, вышел под прохладные струи, смывая липкий пот, и улыбнулся. Просто без причины.

Я был здесь и сейчас. И мне было очень хорошо. Пусть мокрый, вонючий и уже искусан вечерними комарами. Пусть небрит, а в щетине осела дорожная пыль. Просто я ощутил себя частичкой этого странного, но уже почти родного мира под названием Жестянка.

С Кретовой мы встретились только в столовке, за ужином. Народу в просторном бункере пищеблока оставалось совсем немного, почти все нормальные люди уже поужинали. Ирина шумно плюхнулась на скрипнувшую скамью рядом, с кем-то вежливо поздоровалась, кому-то лишь небрежно махнула рукой. И сразу попыталась подвинуть в сторону мой поднос своим, заставленный тарелками по буртики. Заворчать я не успел.

– Держи свой гостинчик, – мурлыкнула она.

– Что это? – растерялся я.

– Цветочек аленький! Не видишь что ли? Кепка новая, зацени стиль. Сколько можно в лохмотьях ходить… Импортная вещь, человеком будешь выглядеть, примерь. Об итогах комиссии завтра расскажу.

Кепарь действительно оказался зачётный. Размытый такой, словно застиранный и выгоревший на солнце камуфляж цвета пыли, сама кепка усилена заклёпками и ремешками, полумягкий козырёк, прочная и в то же время мягкая ткань с водоотталкивающим ворсом. Есть эластичные петли для крепления над козырьком солнцезащитных или противопылевых очков. Вещичка не из дешёвых.

Поцеловать её при всех, что ли? Девчатам с раздачи будет, о чём посудачить. Побоялся. Да и не успел, моя начальница и подруга уже жадно рвала крепкими зубами окорочок дикой индейки под чесночным соусом.

Глава 5

Спортивная рыбалка

Найденный в грузовом барреле подвесной лодочный мотор не давал мне покоя с момента обнаружения. Надувная лодка с «подвесником» – отличная возможность для организации дальней разведки по реке, в нижнем её течении. Что там находится, до сих пор неизвестно. Новенькая надувнушка до сих пор лежит на складе, оттуда её извлекали всего один раз, для испытаний. Одно из рыболовных звеньев как-то решило опробовать в деле. Мужики надули отсеки, спустили плавсредство на воду и привычно пошли под вёслами.

Через день они вернули лодку в хранилище с короткой, но ёмкой пренебрежительной характеристикой – утюг.

Дело в том, что наши промысловики пользуются другими лодками – таёжной деревянной классикой. Таких лодок в гарнизоне три штуки. Эти отличные образцы речного судостроения были приобретены в Переделкино и притащены в Пятисотку ещё в те времена, когда гарнизон не располагал сухопутным

транспортом. Изготавливала их семья мастеров из Передела, где таких «деревяшек» на Клязьме намного больше, чем у нас, гребное дело в городке в почёте. Откуда-то помню, что на Земле их называют илимками, однако термин не употребляю, остальные его не знают.

У этих лодок отличный баланс веса и грузоподъёмности при достаточной длине. Они легко идут под вёслами, скользят на мелях, ремонтопригодны. И борт крючком от перемёта или блесны не пропорешь. Поэтому надувнушка и лежит без дела – и не нужна никому особо, и в пользование просто так, без веских оснований, завсклад её не выдаст.

Но тут появился лодочный мотор. И, соответственно, возникла идея «быстренько сбегать на разведку вниз по течению», как приемлемая для начальства версия завладеть моторной лодкой.

Рыбаки в восточную сторону не ходят, они ловят или недалеко от моста, или уплывают вверх по течению, в равнинную часть Дуромоя, где много гумуса и нагулявшей вес рыбы. Однако слишком далеко от Пятисотки они не ходят – на западе начинаются «сталкерские» степи со всеми вытекающими. Можно нарваться на серьезные неприятности. Меня мало интересуют этот участок реки, ясно же, что в ближней саванне всё интересное уже обнаружено, а сталкерские разведгруппы исходили равнину вдоль и поперёк. Так что вряд ли там удастся обнаружить какой-либо значимый для анклава объект, а мелочь найдена и давно вывезена.

А вот в низовьях…

К востоку от Пятисотки расположена Terra incognita, в буквальном переводе с латыни – «неизвестная земля», так гласила надпись на старинных географических картах и глобусах по чистому, белому месту, означающему неизведанную, недоступную, неоткрытую, реже нейтральную территорию. Это земля, где, несомненно, кроется немало интересных объектов с грудами всяческого ништяка, в это всегда хочется верить…

Причина относительной недоступности низовий проста и обидна. Всё дело в том, что ниже каменного моста Дуромой заходит в длинную скальную теснину, где русло сужается, а скорость течения резко возрастает. Туда на деревянной лодке под вёслами пройти можно, а вот вернуться… Через природный ниппель крайне

сложно пройти бечевой, то есть волоком – не позволяют крутые скальные теснины, а на шестах лодочникам придётся двигаться в час по чайной ложке.

Как-то одна из промысловых бригад рискнула сходить на восток. При возвращении им пришлось делать очень трудный обнос по берегу, так что в гарнизон громко и изобретательно матерящиеся мужики вернулись после трёх дней мучений. После этого случая рыбодобытчики на своих картах пометили точку входа в теснину знаком кирпича и соваться туда впредь зареклись.

В общем, на восток я давно поглядывал. Дело было за лодочным мотором и напарником. Прослышав, видать, про мои мечтания, ЦУП обеспечил будущие экспедиции «подвесником». Есть и напарник – Пикачёв, третий наш боец, уже немного проверенный в спасательном деле и, как выяснилось, ещё больший авантюрист, чем я. Его только что перевели из группы молодых к нам стажёром, а в «двойке» новый стажёр – Казанников решил, что в каждой группе должно быть по три бойца.

Во время собеседований, инструктажей и повседневных разговоров между нами обнаружилась ещё одна общность. Это потенциальная склонность к хроническому мужскому пристрастию – любительской или спортивной рыбалке. Потенциальная, потому что подчищенная память обоих не подтверждает это конкретными фактами биографии. Мы уже проверили свои практические знания и навыки во время двух пробных выходов к мосту. Выяснилось, что квалификация у нас любительская, приобретённая, скорее всего, в не очень частых походах выходного дня. Удочка и спиннинг не чужды, хотя из всех рыбацких узлов я вспомнил название лишь самого простейшего – «паломар». Соответственно, и улов оказался весьма средненьким – карасики да плотва.

В общем, во время спортивной рыбалки будет повод познакомиться поближе.

Я чуть лучше, чем Спика, знаком с подвесными лодочными моторами. Уровень – неквалифицированный пользователь, не имеющий такого агрегата в собственности, зато охотно принимающий дружеские приглашения прокатиться в выходные по водоёму. Движок, доставшийся нам, – пятнадцатисильный «Эвинруд», не тяжёлый и не громоздкий, мощность для имеющейся лодки более чем достаточная. Хороша ли конкретно эта модель, плоха… Вопрос чисто маркетинговый.

Несколько промышленных гигантов, которым принадлежат наиболее известные бренды, всю свою историю беспрерывно занимались слияниями и поглощениями, дорогие конвертики с технологическими секретами кочевали из одного сейфа в другой. В итоге на всех моторах мы видим одни и те же конструктивные решения, проверенные десятилетиями эксплуатации. А качество мотора давно определяется не маркой и даже не страной-изготовителем, в которой расположены сборочные цеха.

Всё проще, здесь важна лишь внутренняя политика производства, установка. Один и тот же двигатель может выпускаться с максимальным качеством из самых лучших материалов, а может выезжать из заводских ворот в существенно упрощённом варианте. Тут заменили элементную базу, здесь применили сталь и краску подешевле, а вот эти комплектующие притащены в сборочный цех не с фирменных складов, а из соседних деревень, где их собирают на коленке. Если же покупать мотор у солидного дилера, работающего без нареканий, то можно смело ориентироваться не на марку, а на цену и характеристики – всё моторы в принципе одинаково хороши.

Впрочем, с другими потребительскими товарами дело обстоит точно так же.

Давно зная о моих смелых планах, Ирка Кретова с самым недовольным видом сразу же предупредила, что гравилёт под эту авантюру не даст. Так отпала идея прогуляться сушей вдоль берега. А над водой гравилёт, как известно, летать не хочет.

Командирша на мой запрос ответила так:

– С чего бы, по каким основаниям? Денис, ты меня в свой блудинг не вписывай. Мы возле Чёрных гор ещё ни разу не были, у нас саванна не разведана дальше десятка километров от периметра Пятисотки! Нет, вы только посмотрите, на воды его потянуло! Лодка есть? Мотор появился? Водой и шлёпайте! Осваивайте, так и быть, отпущу на пару дней, раз вам с молодым этими удочками яйца прижало! Вот разведаешь, разглядишь там что-то интересное или хотя бы следы такового, тогда и поговорим о нормальном рейде. Короче, ловите своих карасей, снимите зуд и успокойтесь. Давай, пиши требование на склад.

Ну, я и написал. Кретова лично сходила к Деду, подписала у него сразу и требование, и пару дней отпуска двум энтузиастам. После этого мы со Спикой забрали на складе лодку с документом, в котором было написано, что в распоряжение первой группы спасателей в бессрочное пользование передаётся плавательное средство типа «лодка надувная серого цвета неустановленного производителя марки «Бадгер» – одна штука».

Экспедиция набухла.

Конечно же, в этом деле нельзя было обойтись без советов бывалых промысловиков. А самый бывалый у нас в речном и рыболовном ремесле, безусловно, Фома – ветеран и уважаемый авторитет среди рыбаков.

Авторитет к нашей затее тоже отнёсся несколько скептически, состоялся такой диалог:

– Не слышал, чтобы вы до этого ходили по Дуромою, – ухмыльнулся рыбак.

– Лиха беда начало! – бодро заявил Спика.

– И две беды лиха кончало, – буркнул Фома. – Всегда знал, что наши спасатели самые упоротые.

– В смысле? – прищурился Пикачёв. – Это кто тут на наркоте сидит?

– Не напрягайся, в значении «упёртые». Думаете, вы самые умные? Многие уже пробовали в низы ходить… И что надо высмотрели.

– А теперь и мы хотим посмотреть, – вставил я. – Ты пальцы-то не гни, Фома, лучше посоветуй чего дельного. Мы не с частным интересом идём, а по заданию.

– Короче, местной ихтиофауны вы не знаете, так?

– Отчего же? Щука есть, лещ вроде, пескарь там всякий… Говорили, что даже сом водится.

– Тебе это в столовке за обедом сообщили? – бывалый рыбак с насмешкой посмотрел на Пикачёва. – А ты знаешь, что названия рыб у нас часто условные?

– Как это, пояснишь? – не понял я, уже предчувствуя нехорошее.

– Да вот так! – он резко повернулся ко мне. – Щука, пожалуй, настоящая, лещ тоже. А вот язь здешний не совсем язь, это совсем другая рыба, на Земле неизвестная. Никто из наших такую не помнит. И то, что мы здесь воблой называем да вялим, совсем другая рыба… Вы про большую речную змею что-нибудь слышали?

– Не-е… – промычали мы хором.

– Вот и видно, что вы мазута сухопутная. А в столовой вам говорят, что это угорь.

– Да иди ты! – ахнул я. – Но почему же…

– Потому! – Фома не дал мне разойтись возмущением. – Технолог пищеблока так решил, чтобы людей не пугать! Стали бы вы страшноватую на вид змеюку рубать за обе щеки? Во-во, по глазам вижу… Поэтому для некоторых пород рыб начальством подобраны привычные всем земные названия.

– Ну и пёс с ними, – отмахнулся я. – Какая разница? Ловить-то их получается обычными снастями?

– Запросто, если руки из нужного места растут и соображалка работает. С блёснами мудрить не надо, рыба в Дуромое не пуганая, хватит обычной колебалки покрупней. Можете из столовых ложек наделать.

– Нам что, придётся ложки в столовке тырить?

– Да ладно, дам я вам четыре штуки… Раз по заданию. Кстати, сом у нас тоже не совсем сом. У него шесть усов, из них четыре растут прямо на башке. Ну его-то вы точно не поймаете, местный сом редок и сложен, абы кому в руки не дастся. Рыба очень крупная и сильная, лучше вообще не связывайтесь.

– Посмотрим! – азартно воскликнул напарник.

– На что посмотрим? На твой распухший труп? Хотите советов? Значит, слушайте и запоминайте! Говорю русским языком: с сомом не связывайтесь. Тем более на надувнушке.

– Лады, приняли, – нехотя согласился я. – Ещё что?

– На отмелях за ущельем купайтесь осторожно и только в облегающих плавках, чтобы членогрыз не заполз. Рыбка эта мелкая, но опасная, сами должны понимать. Возле моста пока не водится, и упаси господи, с собой не притащите.

– Чего-о… Члено… Ты это серьёзно? Фома, это что, шутка такая? – округлил глаза Спика. Я тоже обалдел от услышанного.

– Проверьте сами, хе-хе!

– Да иди ты, шутник какой нашёлся! – бросил я недоверчиво. – Давай серьёзно.

– А что в твоём понимании серьёзно? Всё будет нормальком. Вижу, спиннинги у вас классные, – заметил Фома, оглядывая сложённую возле моей двери груду снаряжения. – Где такие выдают?

– У нас одна база снабжения – баррели! – вскинул нос Пикачёв.

– Известное дело… Самое лучшее первыми выгребаете, – грустно молвил рыбак.

– Фома, вернёмся с неоткушеными членами – подарим один. Какой именно приглянулся? – пообещал я.

– Без балды? – оживился тот. – Тогда вот этот.

– Забились. Что-то ещё посоветуешь?

– Что ещё… Посоветую! Если хотите привезти рыбу домой, то ловите на обратном пути, до этого берите только для жарёхи и ухи. И не потрошите! Только жабры присолите, удалять их не надо, сразу микроб полезет. Погоды жаркие, вода тёплая, здесь вам не северные реки… Скарбом не перегружайтесь.

В лодке не вставайте, это правило, не та у вас лодка, чтобы работать стоя. Ничего не роняйте за борт, потом не найдёте, забудьте и даже не пытайтесь. Вода в реке мутная, илом затягивает быстро. Можно целый день нырять без результата. Воду из Дуромоя можно использовать, но лучше набирайте в ручьях. И обязательно кипятите! Провианта много не хапайте, еды вам хватит, по берегам утки полно. Заранее заготовьте два шеста, чем прочней, тем лучше. Сложных мест в ущелье два, на входе и выходе: каменюки, течение крутит… Там проходите медленно и на шестах, сапог мотора поднимите, чтобы винт не поломать. Запасной имеется?

– Два, – ответил я.

– Запасливые, – признал он. – Остальной участок пролетите ласточкой, течение на стремнине будет сильное, но ровное, без прижимов… Так что запоминайте фарватер, помечайте в кроках, обратно будет проще идти, вам же не грести. Сетку я вам, так и быть, дам. Небольшую. Но чтоб вернули без дыр! Иначе докладную напишу Казанникову о порче казённого имущества!

– Спика, может, не будем сеть брать, как-нибудь обойдёмся удочками? – с сомнением спросил я. Кому охота лишний раз под докладную попадать?

– Будем! Ничего с ней не случится, сработаем опытно!

– Вот этого я, хлопцы, больше всего и опасаюсь, – тяжко вздохнул бывалый промысловик. – Ну, вроде бы всё нужное сказал, удачи вам, рыбачки, хе-хе…

– Спасибо… Фома, чуть не забыл! А почему речной змей называется большим? Что, есть ещё и маленький?

– Не? Денис… Просто он реально крупный, не меньше полутора метров, и это молодь. А вот выше ущелья, сказывали, водятся экземплярчики и посолидней. Но вы их не бойтесь! Большой нож или мачете, ещё дробью можно бить, если на борт полезет.

– Хм-м, в надувной лодке? – хмыкнул я.

– А-а, ну, да, вы же на презервативе… Тогда смотрите по ситуации. Главное, смелей с ним, уверенней. Если изловите, то советую сразу пожарить на берегу хороший кусок свежатины. Вкус у змеи просто волшебный, зуб даю! В столовке вам такого «угря» не подадут. И помните о членогрызе, ребятки.

– Может, гораздо ниже ущелья и эти твари покрупнее? – нервно хихикнул Пикачёв, машинально положив ладонь на пах.

– Вот вы на себе и проверите, – негромко отрезал бывалый. – Ладно, мне на работу пора, сегодня мы лодки смолить будем. Успеха в разведке, спасатели!

С этим напутствием мы и сели на лавочку, принявшись переваривать услышанное. В нарисованную нашими ожиданиями картинку предстоящей экспедиции добавились новые краски. Прислушавшись к советам Фомы, оружием мы решили не перегружаться. Поначалу Пикачёв хотел на время выпросить вторым стволом «колчак», а я двустволку. После инструктажей от бывалых Спика заявил:

– Не буду винтарь просить, хватит и помповухи.

– Ты уверен? – спросил я.

– Не, ну а чё? Мы же не на охоту едем, почти постоянно будем на воде. А ты прикинь, что со мной сделают, если я «колчака» утоплю? Рыбачить не смогу спокойно. Нет уж, лучше со своим.

– Гм-м… И то верно, – я тоже задумался. Перспектива по глупости утопить в желтоватой воде Дуромоя драгоценный автомат действительно пугала. Положа руку на сердце, нужно признать, что в водном деле мы новички безусые. Лодка незнакомая, навыков управления и рыбалки с борта у обоих пока что мало, хотя я ничуть не сомневался, что они сформируются очень быстро.

– И что мне делать, не брать «ксюху»?

– Лучше дробовик не бери, моего «ремингтона» на всю утку хватит, – посоветовал напарник.

На том и порешили.

Особых опасностей я не видел. Перевернёмся? Выплывем, на воде держимся уверенно. Идти нам не по берегу, хищники беспокоить не будут. Речной змей? Посмотрим, что это за тварь, добудем обязательно, «угорь» в столовском меню действительно очень вкусный. Вот страшный членогрыз… Впрочем, по трезвому размышлению, я всё же решил членогрыза занести в базу по разделу баек и страшилок.

Слухов и баек во всех общинах Жестянки великое множество, накопилось подобного со временем. На первом по частоте упоминания месте, вне всякого сомнения, стоят байки о Мёртвом городе. Людям хочется узреть давно позабытую урбанистику, потрогать рукой бетонные многоэтажки, пусть и заброшенные. Это некий символ и надежда. Они верят, что в таинственном Мёртвом городе можно найти не только изобилие ништяка, но и ответы на многие вопросы.

Второе по популярности в обывательской болтовне место смело можно отвести Черным горам. И пока кто-нибудь из спасателей не окажется в тех краях, слухи об этом хребте будут только множиться. Думаю, что это первый объект, который можно разъяснить. Вон они, горки эти, видны почти с любой точки Пятисотки, дело только в волевом решении Казанникова. А уж мы исполним.

Почетное третье место занимает «мифология фауны» – бесконечные истории охотников о самых невероятных и почти всегда смертельно опасных представителях животного мира Жестянки, которые регулярно встречаются наряду с представителями привычного всем зверья, рыб и птиц. Этот членогрыз, например. Кстати, Спика не успокоился и замучил расспросами других рыбаков. Все с самым серьёзным видом ему отвечали, что да, мол, есть такая гадина. Встречается не часто, беречься следует. Чёрт знает, как к этому относиться.

На четвёртом месте – слухи и невнятные свидетельства об отшельниках и целых родах, живущих вдалеке и автономно. Якобы именно такие сообщества проживают в районе Черных гор и в Мёртвом городе. Чем живут, неизвестно. Допускается, что у них могут быть свои полигоны, посредством которых они получают от ЦУПа материальную помощь. Хотя здравомыслящие не верят, что кучу заброшенных многоэтажек может получить какой-либо национальный

анклав. Слишком жирно.

В существовании определённого количества отшельников никто не сомневается. Бывали случаи, когда люди самовольно и по неизвестным причинам уходили из гарнизона, чтобы не появиться в Переделкино. В отшельники могли податься и те, кого Пятисотка отторгала, выпроваживая за ворота. Мало ли что могло взбрести им в голову? Я уже не говорю о городских историях, способных подвигнуть человека к такому поступку. Ясно одно: за пределами известных общин обитает какое-то количество людей, чья жизнь и устремления остаются неизвестными…

В путь нас, как мать-берегиня, провожала Кретова. Осторожно сдав кормой к воде, она внедорожником столкнула прицеп в тихую речку, а мы с Пикачёвым быстро освободили плавсредство от креплений, «Эвинруд» уже висел на транце. И сразу же начали закидывать экспедиционное имущество на борт.

Кретова отогнала джип повыше и вышла из машины.

– Сейчас она скажет «значит так»… – шепнул я Спике.

– Значит так, – строго начала Ирина. – Уточняю, жду вас максимум послезавтра, хотя и за один день можно управиться, Жду с результатами! Ищете брошенные плавсредства, руины, признаки населёнки. В возможный контакт вступать с предельной осторожностью. Ничего не обещать, никого не пугать. Удаляетесь не далее пятидесяти километров, для начала этого хватит.

– А как мы отмерим полсотни вёрст? – поинтересовался Спика.

– Не знаю, как! Развивай в себе глазомер и штурманские навыки. На глаз, отмечайте ориентиры… Да хоть вехи ставьте по берегам, шагами перепроверяйте!

– Ясно, методика не предложена, – насупился будущий штурман.

– Рубин! – рассердилась Кретова. – Воспитывай молодого, это твоя работа!

– Соструним, – пообещал я сурово.

– Смотрите у меня там! – она неожиданно сменила тон. – Мальчики, родные, только давайте без глупостей и геройства. Пожрите там ухи, оглядитесь и возвращайтесь. И не вздумайте утопнуть… Короче, бойтесь членогрыза, аферисты.

– Авантюристы, – поправил я боевую подругу.

С тем мы и отчалили.

Лодка, уже на первом километре пути получившая гордое имя «Налим», двигалась под мотором не очень быстро, зато целенаправленно. Упёрто шла. Можно ли сказать, что упорото? Жаль, Фомы рядом нет, не у кого проконсультироваться.

Относительно прямой участок закончился, мимо проплывал подступающий вплотную к берегу кустарник, чуть склонившийся кронами к струящемуся на восток потоку. Правый берег Дуромоя, изгибаясь впереди, был совсем рядом, словно охватывая надувнушку, заманивая её куда-то. Вокруг сменялись виды неведомой страны – широкой степной равнины с извилистой рекой. Необъятная дикая глушь. Здесь есть пустынные, бескрайние пастбища, озерца в укромных уголках, таинственные горы и притаившиеся в оврагах речушки. Но никаких следов человеческого присутствия.

Свобода! Простор! Рокотал двигатель, под днищем из ПВХ шипела зеленоватая вода. Движение вдоль берега сопровождали неожиданные всплески по траверзу – после прохода лодки в Дуромой запоздало сползали водоплавающие. Мелкие, так что тревожиться не о чём. Над водой летает много красивых больших бабочек, на ветвях можно заметить мелких пауков и длинных серых сороконожек, с виду неопасных. И всё-таки надо признать, что «Налим» действительно тащится, как утюг, никакого тебе изящества и ожидаемого полёта. Однако я и не гнал, и так ходко идём. Привыкнув к румпелю, уже не вилял, двигался плавно, то и дело подворачивая, чтобы рассмотреть на берегах заинтересовавшее, а затем снова шёл кратчайшим курсом.

Уже через восемь километров пути Спика успел начудить, когда мы встали к берегу по малой нужде. Он схватил спиннинг, быстренько поставил маленькую блесну-вертушку и в один заброс вытащил рыбу, похожую на леща.

– Видел! Ты видел, как я его взял. Я лучший!

– И что теперь прикажешь с ним делать? – едко поинтересовался я.

– Ну, не знаю… Может, приготовим по-быстренькому?

– То есть, ты предлагаешь забить болт на план разведки реки, развести костерок, достать гармонь и налить водки под уху? Не знаю, что ты с этим лещом будешь делать. Ловить надо на обратном пути.

– Жалко же! – расстроился напарник. – Хорошо, я её не дно брошу.

– Протухнет, жара начинается, – предупредил я.

Мне и самому зверски хотелось покидать спиннинг, ведь именно жажда рыбалки была главным побудительным мотивом поездки. Разведка местности – официальная причина экспедиции и обязательное к исполнению приложение.

Двинулись дальше. Впадающие ручейки не так уж и редки. Попадались и вытянутые по течению островки. Тем временем Пикачёв осваивал нелёгкое ремесло штурмана-навигатора. Отсчёт пройденных километров он вёл приблизительно, по отрезкам береговой линии, на глаз. Результаты объявлял вслух, я соглашался или уточнял, после чего молодой заносил данные на проект будущей карты. Фотографировал берега смартфоном, что не мешало ему замечать всё живое.

Над небольшими деревцами очередной рощи кружили птички, вёрткие, симпатичные, вполне привычного вида. У берега стояли цапли.

– Глянь, утки! – с азартом выдохнул Спика.

Ага! Вдоль левого берега над водой действительно прошла низом стайка жирных уток, или даже гусей, вслед за ней пролетела ещё одна группа.

– За камышами сели! Непуганые, возьму как миленьких! Чё молчишь-то? – напарник нервно водил стволом «ремингтона».

И каждый раз я говорил одно и то же:

– Фома не велел. На обратном пути утку бить будем.

– Да кто такой этот Фома, ты его здесь видишь? – злился Спика.

– На обратном. И на леща не наступи.

– Что ты со своим лещом! Ладно, давай хоть ближе подойдём, полюбуюсь, помечтаю…

Как я ни старался выйти на очередную стайку незаметно, а не получалось, нас замечали. Утки немного думали, с изумлением глядя на неведомое чудо, а потом поднимались в воздух, чтобы перелететь на другое место.

– Ну вот… Валить надо было!

– На обратном.

Наконец-то впереди показалось место, определённое в инструкции как конечная точка спокойного путешествия, возник каньон. Так как я шёл вблизи берега, то к большому лесистому острову начал подходить не со стремнины, а с рукава, огибающего очередной песчаный островок. На ближнем мысе старое костровище в круге камней. Наши оставили. Всё, больше никаких следов человеческой деятельности. И, тем не менее, это первое хоть как-то обжитое место, пусть временное.

Я ожидал, что русло начнёт постепенно сужаться, а вышло наоборот. Вода не успевала уходить в каменные ворота, разливаясь вокруг, образовался так называемый «затон», просторный водоём, похожий на озеро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/denisov_vadim/zhestyanka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить